

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

**ЗА ВСЕ СПРОШУ
ЖЕСТОКО**

Владимир Григорьевич Колычев
За все спрошу жестоко
Серия «Колычев. Мастер
криминальной интриги»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2823525

*Владимир Колычев. За все спрошу жестоко: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-53748-8*

Аннотация

Семен Купчинов по прозвищу Сэм молод, но крут. В конце разгульных 80-х годов он сколотил группировку, подмял под себя коммерсантов, занялся бутлегерством, преуспел в разборках с конкурирующими «бригадами». Сэм быстро понял, на чем можно реально подняться, но также усвоил и то, что дело нужно защищать до последнего, не считаясь с затратами и не выбирая средства. Однажды на разборках Семен даже применил пулемет. За этот «подвиг» парню пришлось мотать три года на зоне. Вышел он заматеревшим, лютым, не знающим страха – и кое-кому, кто неправильно вел себя во время его отсутствия, теперь придется держать ответ...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	27
Глава 4	41
Глава 5	55
Глава 6	71
Глава 7	84
Глава 8	95
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Владимир Колычев

За все спрошу жестоко

Глава 1

Небо темное, тяжелое, рыхлое, и не понять, то ли это тучи, то ли виной всему огромные трубы, из которых клубами валит черный дым. Убогий район: с одной стороны чадит теплоэлектростанция, с другой – гремит железная дорога, промышленные зоны вокруг, свалки... В общем, серость несусветная.

– И это называется трехкомнатная квартира? – размахивая руками, взывала мать.

– Зато отдельная, – уныло вздохнул отец.

– Где она отдельная, если кухня общая? А сортир где? Где сортир, спрашиваю?.. Променял шило на мыло! Глаза б мои тебя не видели!

Туалет на улице. Семен заметил его, когда они шли к дому. От этого шаткого дощатого сооружения воняло так, что на него нельзя было не обратить внимания.

– Ну, чего молчишь? – надвинулась на отца мать.

Женщина она крупная, грудастая, и рука у нее тяжелая. А отец маленький, щупленький, ему с ней при всем своем желании не совладать.

– А ты чего? – буркнул он, отступая назад. – Ну, не очень здесь, зато Москва рядом...

– А зачем она мне, твоя Москва? Мне и в Горьком хорошо было!

Отцу предложили работу на подмосковной ТЭЦ, пообещали трехкомнатную квартиру со всеми удобствами в каких-то нескольких километрах от столицы. Место, говорили, ну просто отличное. Вот он и решил, что ему неслыханно повезло. Сборы были недолгими, и вот семейный десант уже высадился на новом месте. Только квартира представляла собой две смежные комнаты в старом убогом общежитии. Одно помещение разделено пополам фанерной перегородкой, другое подавалось целиком: два плюс один равно трехкомнатный вариант. Из окон дует, стены грязные, полы скрипучие, и еще здесь воняло крысами.

Впрочем, в Горьком с жильем у родителей было не лучше. Такое же общежитие, причем комната всего одна. Единственное отличие: там они жили почти в центре города, да и чистенько было в общежитии, ну и туалет находился на этаже.

– Дать бы тебе больно!..

Мать в сердцах сунула отцу под нос кулак, но бить не стала. Да и не будет она этого делать. Хоть и крутой у нее характер, но меру она знает.

Семен махнул на нее рукой и вышел в полутемный коридор, где остро пахло кислой капустой и варящимся бельем.

Пусть родители сами выясняют отношения, без него, а он во дворе проветрится. Да и сестренка младшая там без призора.

Сонька сидела возле грузовика с мебелью, взгляд грустный, бровки возмущенно приподняты, ручки крепко прижимают к груди большую куклу с обожженными волосами. Увидев брата, она вздохнула, но даже не улыбнулась. Скучно ей здесь, тоскливо, но так и Семену совсем невесело.

Сунув руки в карманы брюк, он пнул камень под колесо грузовика и осмотрелся. Здание четырехэтажное, из темно-красного кирпича, трещина от фундамента по всей стене до самой крыши – видно, что ее пытались укрепить железными скобами, но, похоже, безуспешно. Двор длинный, узкий, неухоженный и неуютный, хотя бы какой-нибудь палисадник разбили, а то здесь одно только украшение – мужик пьяный на скамейке у соседнего подъезда валяется.

Семен печально вздохнул, в точности как его сестра. И на него самого тоска навалилась. И зачем они только сюда приехали?

Ничего, надо как-нибудь год вытерпеть, а там он школу окончит и в институт поступит. Или в техникум на крайний случай. Не так уж и важно куда, лишь бы комнату в общежитии дали, чтобы свалить из этой дыры.

Из грузовика вышел водитель, потянулся, зевнул во весь рот и, глянув на Семена, спросил:

– Ну, когда разгружаться будем?

– Сейчас.

А может, и не придется разгружаться? Может, мать заставит отца вернуться в Горький? Там у Семена друзья, секция, там он свой среди своих, а здесь чужой...

Водитель снова открыл рот, будто собираясь зевнуть, но, как оказалось, это был немой возглас громкого восхищения. Семен заметил, куда он смотрит, повернулся и увидел яркую красивую девушку в мини-юбке и кожаной жакетке. Пышные светло-русые волосы, большие густо накрашенные глаза, нос длинноватый и заостренный, но это не портило ее. Высокая, худощавая, бюст не пышный, зато ноги – длинные, стройные и жуть какие соблазнительные. Походка легкая, волнующая, от бедра. Земля покрыта раскрошившимся асфальтом, а у нее туфли на длинном каблуке, но это, казалось, ничуть не мешало ей идти. А под ноги она не смотрела – она, видимо, не из тех, кто ходит с опущенной головой. На ярко накрашенных губах улыбка – живая, приветливая, но никому конкретно не адресованная. Она вроде бы улыбалась Семену, но при этом в упор его не замечала. И на водителя даже не глянула, хотя он и пытался обратить на себя внимание.

– Девушка, вас подвезти?

В ответ она лишь подняла указательный палец и помахала им. Знак отрицания, хотя можно было подумать, что девушка хочет продемонстрировать длину и ухоженность своих лакированных ногтей.

Как водитель мог ее куда-то подвезти, если борт забит ме-

белью? Но этот вопрос лишь мелькнул в сознании Семена. Не в том он сейчас был состоянии, чтобы отвлекаться на такие мелочи.

Девушка прошла мимо грузовика, наискосок пересекла двор и остановилась возле белой «шестерки», что стояла на самом въезде. В машине кто-то сидел, наверняка мужчина, но ей самой пришлось открыть дверь. Будь Семен сейчас на месте водителя, он бы выпрыгнул из машины, чтобы помочь ей сесть.

Но не быть ему на месте этого счастливого. Машина для него столь недостижимая роскошь, что о ней он даже не мечтает. А если бы вдруг свершилось чудо и он выиграл бы в лотерею «Жигули», прав у него все равно нет, да и возрастом он еще не вышел – полгода всего, как шестнадцать лет исполнилось.

С форсом выплеснув щебень из-под колес, «шестерка» сорвалась в места и по ухабистой дороге помчалась в сторону московского шоссе. А Семен в оцепенении стоял и завороженно смотрел ей вслед. Так и стоял бы, если бы вдруг его не ударили сзади в плечо.

– Эй, ты че на мою Наташку пялился?

Семен обернулся и увидел целую компанию пацанов примерно одних с ним лет. Четверо их. Крепкие на вид ребята, рослые, и только задира был, что называется, метр с кепкой. Но свою физическую немощь он компенсировал злостью и напористостью. Кто-то лицом похож на лошадь, кто-то на

бульдога, а этот смахивал на лисенка.

Семен и сам долго оставался таким же мелким, как и этот буян, но после восьмого класса он вдруг стал резко расти, и только за одно лето вымахал на семь сантиметров. Сейчас у него рост под метр восемьдесят, и задира осознавал эту разницу, поэтому он пружинил на ногах как человек, собирающийся подпрыгнуть. Он рассчитывал ударить Семена с прыжка. Причем собирался сделать это всерьез. Хотя и не спешил. Его друзья косились на Семена из-под нахмуренных бровей, но пока не вмешивались. И кулаки не чесали.

– На какую Наташку? – нервно спросил Семен.

Не по себе ему, и под коленками вдруг холодно стало. Не хотелось ему драться с этим типом: бой обещал быть неравным. С мелкотравчатым он бы справился, но его дружки, похоже, тертые калачи. Шпана уличная, босота, у таких и ножички в карманах водятся, не говоря уже о кастетах.

– А я тебе сейчас объясню! Пошли за сараи, поговорим...

Семен растерялся еще больше. Драка во дворе не так опасна: здесь люди, они могут вступить за него, разогнать оборзевшую шпану, а за гаражами никого нет, там и прирезать могут. Но Семен все-таки нашел в себе силы перебороть страх и на немеющих ногах пошел вслед за мелким задирой.

Им не пришлось обходить длинный ряд сараев, что тянулся вдоль дома. По самому центру двора кирпичную галерею прорезал узкий, пропахший мочой проход. А за сараями раскинулся пустырь, поросший бурьяном, за ним – бетонный

забор промзоны. Но задира не устал уводить Семена далеко. Он резко развернулся к нему лицом.

Наверняка он думал, что Семен дрогнет от столь резкого маневра, шарахнется в сторону. Но просчитался.

– Ты че, козел, на мою сеструху тарацишься? – заорал мелкий.

– А ты чего на меня наезжаешь?.. Мог бы на водилу наехать. Он тоже на твою сестру тарацился!

– А ты за себя отвечай, понял? – заулыбался задира с радостью человека, обнаружившего чью-то слабинку.

– Да пошел ты!

– Ну, козел...

Мелкий оторвался от земли с ловкостью кузнечика и резко махнул кулаком, пытаясь ударить Семена. Но поймал он рукой только пустоту. Семен рефлекторно нырнул под кулак, но бить в ответ не стал, хотя и мог срубить этого типа на лету.

– Ну, ты, в натуре! – разозлился задира и снова прыгнул на него.

Но и в этот раз Семен уклонился от удара.

– Слышь, ты мужик или баба? Ты чего танцуешь? – с пеной у рта заорал мелкий. – Драться давай!

На этот раз он попытался достать Семена ногой. И надо сказать, такой удар с прыжка ему вполне удался. Хорошо нога пошла, красиво, только мимо. Семен ушел в сторону и на противоходе исполнил просьбу своего оппонента – правой вlepил ему в ухо.

– Ой-ёё!

Задира с воем приземлился на корточки; обхватив голову руками, завалился на бок.

– Эй, ты че, борзый? – надвинулся на Семена здоровяк с широким лицом и обвислыми щеками.

Бритая голова, выгоревшие на солнце брови, нос лепешкой, подбородок лопатой. Плечи не широкие, но крепкие, и сам он тяжеловесный, ширококостный. Одет, как и все, бедно – выцветшая клетчатая рубаша с закатанными рукавами, засаленные брюки от костюма пэтэушника.

Семен встал в боксерскую стойку. Этот парень мог ударить мощно, с таким лучше работать на опережение.

– Давай, Харя, покажи ему, как быков забивают! – приободрил своего друга менее тяжеловесный, но такой же кряжистый парень с выпученными, как у краба, глазами под мощными выступами надбровий. И сам он чем-то напоминал краба – такое же приплюснутое сверху и снизу лицо, могучие кисти рук похожи на клешни, кривоватые ноги широко расставлены. И движения четкие, фиксированные.

Взбодренный поддержкой, задира поднялся и, пошатнувшись, шагнул к Семену, но крабообразный ловко поймал его за руку и остановил.

– Ша, Пуп! Это наш пацан! – сказал он, кивком показав на Семена. – Тут раз на раз, без вариантов.

Похоже, он признал Семена за своего, но при этом не осаживал Харю. Как будто хотел развеять свои сомнения насчет

новичка...

Харя выбросил кулак с широкого размаха, по-деревенски, но удар оказался столь быстрым, что Семен едва успел уклониться. Он мог бы ответить ему, но парень грамотно сменил позицию, и Семен в лучшем случае мог ударить его левой на излете. И сам в ответ мог бы схлопотать, ничего не добившись. А ему сейчас нужен был мощный нокаутирующий удар.

Харя оттянулся назад, презрительно глянул на Семена, неторопливо сплюнул ему под ноги и вдруг резко шагнул к нему. Обманный финт рукой в голову резко сменился убойным ударом ногой в живот, снова в ход пошли руки. И все так быстро, что Семен едва успевал увертываться. А потом и вовсе перестал успевать. Харя зацепил его кулаком в скулу, затем саданул ногой по внутренней стороне бедра, едва не достав до коконов. В конце концов Семен понял, что измором противника не взять, и пошел, что называется, в рубку.

Он пропустил кулак в нос, но и сам смог провести встречный в голову. Харя поплыл и тут же схлопотал снова. И еще, еще...

Семен работал прямыми, а когда противник окончательно поплыл, перешел на размашистые боковые. Растерянный Харя тянул к нему руки, но Семен не позволял ему зацепить себя. И бил, бил, пока не свалил его наземь.

Харя недоуменно мотнул головой, попытался подняться, но его повело в сторону, и он вернулся на пятую точку опоры.

– Оупеть! Харю загасили! – с восхищенным удивлением протянул рослый парень с длинными, зачесанными назад волосами, отчего лоб его казался необычно высоким.

Загорелое чуть ли не до черноты лицо вроде бы славянское, но глаза у него как амбразуры дзотов, такие же длинные и узкие. Казалось, он щурит их в усмешке. Брови густые, пышные, под углом к переносице и щелочкам глаз. Деформированный нос, багровый шрам над губой, подбородок раздвоен будто конец мосла.

– Все по правилам, – рассудительно заключил крабообразный, одобрительно и с интересом глядя на Семена. – Ты откуда такой взялся?

– Оттуда, – нехотя, кивком Семен показал на восток.

– Твоя машина с мебелью?

– Наша.

– Здесь жить будешь?

– Ну, вроде того.

– Меня Никита зовут. Или просто Кит.

– Семен.

– А это Кузов... – показал на патлатого Кит. – Ну, Харитона ты уже знаешь. Он у нас Харитонов. Или Харитон. А еще проще Харя...

– Ну, для кого-то и Харя, а для кого-то и Николай Ефимович, – озлобленно глядя на Семена, сказал Пуп.

– Вот-вот, – усмехнулся Кит. – Для кого-то Пупков, а для кого-то Пуп Земли! Или просто Пуп. Да, Пуп?

– Да пошли вы! – беспомощно огрызнулся мелкий.

Харитон уже поднялся с земли, его слегка покачивало, но это не помешало ему подойти к Семену. И протянуть ему руку.

– Харитон!

Правда, пожал ее Семен с опаской. Как бы на подвох не нарваться. Но нет, Харитон не стал брать руку на прием, как это могло случиться.

– Ты это, боксер, да? – спросил он, потирая набухающую шишку под глазом.

– Да есть немного, – признался Семен, слизнув с губы подсыхающую кровь.

– Нам боксеры нужны, – хлопнув его по плечу, сказал Кит.

Он хотел еще что-то сказать, но в этот момент из прохода между сараями появился отец Семена и позвал его разгружать машину.

– Так это, мы тебе поможем, Сэм, – сказал Кузов.

Семен с удивлением посмотрел на него. Быстро же он переименовал его. Никто еще не называл его Сэмом. Но в принципе это не самый худший вариант. А если он еще подкреплен дружеской помощью, то вообще здорово.

И Кит подключился к делу, и Харитон, и даже Пуп не остался в стороне, хотя, казалось бы, он должен был ненавидеть Семена.

Глава 2

Клетки бывают разные – и для зверей существуют, и для людей. В первом случае люди смотрят на зверей, а во втором – все почти наоборот. Поселок Волынский, парк, танцплощадка, огороженная стеной из железных прутьев, народ под Сандру дрыгается. Семен и сам не прочь потанцевать, но его уже подчинила себе власть толпы. А толпа эта по ту сторону решетки. Пацаны здесь боевые, вроде Кита и Харитона, им в падлу, как они говорят, дрыгать ногами под музыку. Да и не до этого им. Сегодня обещали быть любера. Эти крутые парни почему-то решили, что Волынский – это их территория, потому и сбились в стаю, чтобы доказать это местным. А те и рады, что можно почесать кулаки.

Семену это не нравится. Ему все равно, кому принадлежит дискотека – люберецким или местным. К тому же не может она принадлежать ни тем, ни другим. Это собственность государства, и деньги за входные билеты идут в поселковый бюджет; да и танцевать здесь может любой, кто захочет. А вся эта грызня за территории – всего лишь развлечение для крутых парней, что и дня не могут прожить без драки. Надо же показать себя во всей красе, блеснуть своей удалью и бестолковым героизмом.

Но все-таки Семен в струе. Он хочет быть своим в этой толпе, ему нужно, чтобы его ценили, уважали. Ему страшно,

ему не хочется лезть в драку, но еще больше он боится того, что его назовут трусом. Поэтому в одном кармане у Сэма лежит кастет, в другом – звенит цепь. А Пуп крутит нунчаки, рисуется перед пацанами и на Семена красноречиво поглядывает. Дескать, жаль, что не было у него под рукой этих штук, когда они отношения между собой выясняли.

– Привет!

В толпу с ходу врзался среднего роста паренек.

– А-а, Джем! Здорово! – крепко пожал ему руку Кит.

И Пуп перестал крутить нунчаки, чтобы ответить пареньку тем же. И Харитон ему руку подал, и Кузов, и все, кто здесь находился. А толпа большая, человек тридцать, и все здесь хорошо знали Джема.

Так случилось, что Семен оказался последним, к кому он подошел.

– Ты Сэм, да? – с интересом посмотрел на него Джем.

Верней, посмотрела.

Только сейчас в свете фонаря на танцплощадке он заметил, что Джем – это не парень, а девчонка. Черты лица у нее правильные, но вовсе не утонченные, и нежности ни на грамм. И женственность не просматривалась. Для парня она казалась худощавой, а для девчонки – плотно сбитой. И движения у нее мужиковатые – четкие, экономные, но лишённые какой-либо грации. К тому же голова у нее подстрижена чуть ли не под ноль. Семен скорее почувствовал в ней женщину, чем разглядел ее сквозь напускную мужественность.

– Ну, я, – с легкой небрежностью кивнул Сэм.

Кроме удивления, никаких других чувств в нем пробудить она не могла. Зато девушка посмотрела на него с интересом. Что за пацан? Такой вопрос читался в ее глазах. Откуда взялся, какой из него боец... Но в тех же глазах можно было разглядеть и более глубокий интерес.

– А я Джема.

– Джема из нашего разъезда, – пояснил Кузов. – Из соседнего дома.

Место их обитания называлось незатейливо – разъезд стодробь-четыре. Ни Дубосеково, например, а просто номер и дробь. И два дома там всего, не считая сараев и складов. До поселка километр, до Москвы – шестнадцать. В поселке станция, можно сесть на электричку до столицы, но Семену пока не до этого. Ему с местными знакомиться надо, себя ставить. В Горьком его уважали, и здесь он должен быть крутым парнем. А для этого нужно достойно пройти через массовую драку.

– Ты девчонка? – спросил Семен.

Джема недовольно нахмурилась. И пренебрежительным кивком показала на танцплощадку.

– Девчонки там!

– Понятно? – засмеялся Кузов, хлопнув ее по плечу.

– Чего толкаешься? – возмутилась она.

И вдруг ударила его локтем в солнечное сплетение. Кузов слегка согнулся и сдавленно засмеялся.

– Ну, я это тебе припомню! – незло пригрозил он.

Кузов мог ударить в ответ, но не стал этого делать. Может, Джема и пыталась изображать из себя пацана, но все понимали, что все-таки она девчонка. Отсюда и поблажки.

– Не толкайся, понял?

– Я ж легонько.

– Так и я легонько.

– Какой легонько? – засмеялся Кузов. – Вообще ничего не было. Я даже ничего не почувствовал.

– Повторить? – задиристо спросила Джема.

И в это время в толпу врзался какой-то парень.

– Шухер! Любера!

Толпа ожила, сплотилась и гудящим ульем выползла на площадку перед входом в клетку. Здесь светло и развернуться есть где. А со стороны станции показались вражеская орава.

Не зря о люберах гуляла дурная слава. Эти ребята действительно работали над собой. Все как на подбор мощные, накачанные. И наверняка наращивали в своих качалках не только мышечную массу. Там они учились еще и драться. И сейчас эту науку они готовы были применить на местной толпе.

Люберецких было человек двадцать, но и в численном меньшинстве эти ребята чувствовали себя уверенно. Они приехали сюда драться, и в этом удовольствии себе не откажут. Так что глупо выходить к ним, пытаясь что-то доказать.

Как думал Семен, так и оказалось. К люберецким вышли местные авторитеты, и Кит среди них. Но их никто не стал даже слушать. Семен видел, как рослый качок резко взмахнул рукой, и Кит рухнул как подкошенный. Вслед за ним получил по морде и другой доморощенный авторитет.

Толпа местных на какое-то время оцепенела, а тем временем люберецкие расправились и с остальными авторитетами. Их сбили с ног, начали пинать. А основная волна люберов покатилась на местных.

– А-а! – неожиданно для себя в безумном исступлении заорал вдруг Семен.

И так же неожиданно ринулся вперед, на толпу люберов. Правда, при этом изо рта вывалилась капа, но кастет и цепь остались при нем. Хотя в ход это оружие удалось пустить не сразу. Сначала ему пришлось увернуться от ноги, выброшенной вперед, чтобы сдержать его натиск. Затем в его челюсть врезался тяжеленный, железной прочности кулак. И только тогда он смог ударить кого-то в лицо кастетом. Правда, это был его единственный удачный взмах. Тут же толпа люберецких поглотила его, и он упал на землю. Кто-то ногой ударил его по голове, и он потерял сознание.

* * *

Красномордый сержант долго и пристально смотрел на Семена. Затем спросил:

– Драться любишь?

И, не дожидаясь ответа, ударил его кулаком в живот. Очень сильно ударил. И очень больно.

Семен мог бы защитить живот рукой или, по крайней мере, напрячь пресс, но после вчерашней мясорубки у дискотеки у него кружилась голова, и это помешало ему среагировать на удар. Резкая боль согнула Семена в поясе, поставила на колени, и тут же сержант ударил его коленкой в нос. Он упал на грязный пол камеры, а сержант повернулся, чтобы уйти.

Ему бы промолчать, но...

– Козел! – крикнул парень.

– Что ты сказал, щенок? – взвыл сержант.

Не позволяя Семену подняться, он ударил его ногой в живот. И тут же к нему на помощь подоспел еще один мент. Семену оставалось только закрывать голову руками. Менты отбили ему почки.

– Может, хватит? – спросил один.

Его противный голос глухо отдавался в ушах.

– Ну, хватит, – остановился второй.

– Слышь ты, придурок! Если тебе подраться захочется, ты скажи! – гоготнул сержант и вместе со своим дружкой вышел из камеры.

Громыхнула дверь, лязгнул замок. Экзекуция закончена, но все еще может повториться.

Семен смутно помнил, как разбегалась толпа. Он толь-

ко-только пришел в сознание, когда услышал возглас «Менты!». Он даже смог подняться, куда-то побежал не разбирая дороги. Но менты догнали его, скрутили и сунули в свой «воронок». Много было дравшихся, но в отделение доставили только двух человек – Семена и еще кого-то из люберов.

В камере его стошнило: верный признак, что у него как минимум сотрясение мозга. Но ментов это не волновало. Мало того что его продержали взаперти всю ночь, так еще утром жестоко избили. Сознания он в этот раз не потерял, но с пола поднимался долго.

С трудом забрался на нары, лег, но вскоре за ним пришли.

– Давай на выход! – грубо потребовал сержант-истязатель.

Семену понадобилось время, чтобы подняться. А еще надо было выйти из камеры. Но сержант помог ему – схватил за руку, резко потянул на себя и отпустил. Парень по инерции выскочил из камеры и больно ударился о стенку в коридоре.

– Давай, пошел!

Сержант пинками вытолкал его из подвала, где находились камеры предварительного заключения, поднял на второй этаж и доставил в кабинет к дознавателю. Там его ждала женщина в форме капитана милиции: немолодая уже, дородная, с белыми, выжженными пергидролом волосами. Семен обессиленно опустился на стул сбоку от стола и уронил голову на грудь.

– Эй, что с тобой, парень? – без особого переживания спросила она.

– Плохо мне, – пробормотал Семен.

Женщина взяла его за подбородок, подняла голову, осмотрела лицо. Фингал у него на оба глаза, щека содрана, губа разбита, подбородок распух. Одно хорошо – зубы все целы. На удивление.

– Понятно. Сам виноват, в драку не надо было лезть.

– Это не драка, это сержант ваш, – криво усмехнулся Семен.

Драка – это цветочки по сравнению с тем, что сотворили с ним менты. Любера, конечно, народ жестокий, но там закон улицы, а в милиции – полный беспредел. Не люди там служат, а звери. Это в кино все менты правильные, ими восхищаются, с них берут пример. А в жизни все наоборот, и Семен убедился в этом на своей шкуре. И как он теперь после всего этого должен относиться к ментам, к закону, который они представляют?..

– Что сержант? – возмущенно протянула капитан.

Семен мрачно усмехнулся. Может, она и поверит в то, что сержант милиции избил его, но вряд ли призовет эту сволочь к ответу. Рука руку моет. Так что лучше молчать. А то менты потом снова избьют его, и уже не ради развлечения, а в отместку. За ними не заржавеет.

– Ничего, нормально все. В драке по голове настучали...

– А в драку зачем влез?

– Не влезал я никуда. На дискотеке был, домой пошел, выхожу, а там толпа. Я и понять ничего не успел, как меня

отоварили...

– Да? Зачем ты тогда убежал?

– Все побежали, и я побежал. Как Василий Алибабаевич.

– Ага, кино бесплатное... Значит, случайно в драку ввязался?

– Ввязался? Да нет, просто побили меня. Какая тут драка?

– А вот у нас, например, другие сведения. Нам известно, что ты, Купчинов, являешься организатором этой драки. А это, поверь, очень серьезно. Это лет десять строгого режима... Но тебе всего шестнадцать лет, Купчинов. У тебя еще вся жизнь впереди... В общем, давай так договоримся: ты назовешь имена и фамилии всех, кто участвовал в беспорядках, и я тебя отпущу. Вернешься домой, возьмешься за голову. А еще лучше – за уроки.

– Какие уроки? Каникулы. И не знаю я ничего. Ничего я не организовывал. Я случайно там оказался. Я не организатор, а пострадавший. У меня сотрясение мозга. Мне в больницу надо, а вы меня здесь держите. Я прокурору жалобу напишу!

Какое-то время капитан смотрела на него не просто удивленно, а потрясенно. Не ожидала она от него такого отпора.

– Все сказал?

– Плохо мне. Голова кружится. Вызовите «Скорую помощь»!

– «Скорую помощь»?!

– Да.

– Ладно, сейчас.

Дознаватель вышла из кабинета, минут через пять вернулась.

– Пошли!

Она провела его в дежурную часть, там ему вернули шнурки от туфель, ключи от квартиры и носовой платок – все, что забрали перед тем, как отправить в камеру.

– Все, свободен!

Семен вышел на крыльцо и ослеп от яркого света. Солнце в чистом небе, тепло, ветерок приятный обдувает, только ему почему-то плохо. И голова кружится. Тошнит.

Его повело в сторону, и ему стоило усилий, чтобы сохранить равновесие. Опустив голову, ничего не замечая, парень пошел, куда ноги понесли.

– Стоять!

Он остановился, поднял голову и в качающейся дымке тумана увидел плечистого парня в широких клетчатых штанах. Он стоял, покачиваясь на носках, как будто собирался ударить ногой. И его совсем не смущало, что где-то рядом здание РОВД. Хотя, возможно, именно это его и останавливало.

Рядом с этим типом стояли еще два качка, один из них опирался о капот «четыреста двенадцатого» «Москвича». Наверное, эти парни приехали за своим дружкой, которого менты приняли вчера вместе с Семеном.

– Арбат, узнаешь чувачка? – спросил один здоровяк у другого.

– Узнаю. На «ура» нас брал. Горлопан, блин!.. Что это с

ним? Чумной он какой-то...

Семен обессиленно сел на корточки, тут же переместился на мягкую точку опоры, опираясь на вытянутую руку. Его стошнило прямо на асфальт.

– Эй, чувак, что за дела? – спросил кто-то над ухом.

Семена снова вырвало.

– Эка тебя расхерачило...

– Глянь, Тоху выпустили!

Семен не мог видеть парня, который подошел к ним, но услышал его голос.

– Что за чертила?

– Так это, с тобой замели...

– Да?.. Это менты его так отмудохали. Сам слышал, как его пинали... Он мусора козлом назвал...

– Лихой пацан... В больницу его надо.

Сильные руки оторвали Семена от земли, затолкали в машину.

– Да не надо, я сам... – пытался возражать он.

– Сам ты будешь, когда на ноги встанешь. Тогда мы тебя как последнего забуцкаем. Ты нам живым нужен, понял? – засмеялся Арбат. – Так что сиди и не вякай... Каток, где у нас тут больница?

– Да хрен его знает. Может, в Москву его везти надо? Щас узнаю...

В Москву Семена не повезли. Спросили у прохожего, и тот объяснил, как проехать к местной больнице. Оказалось,

что это совсем недалеко.

– Слышь, пацан, как зовут тебя?

– Сэм.

– Ты, это, нормально вчера себя вел. С мусорами все по делу. Мы таких пацанов уважаем. Только, это, ты нам дорогу больше не переходи. Услышал, что любера идут, беги дальше, чем видишь...

Семен промолчал.

– Че, не догоняешь?

– Да отстань ты от него, Сухарь. Не видишь, хреново чуваку. Да и не будет он от тебя бегать. Да, Сэм?

Семен в знак согласия кивнул.

– Че, крутой?.. – с визгливой какой-то язвительностью спросил Сухарь. – Если такой крутой, давай на стрелу забьемся. Когда оклемаешься, давай к нам в Люберцы, найдешь там Сухаря, мы с тобой поговорим, выясним, кто из нас круче. Ну что, забились?

Семен кивнул.

– Эй, зачем слово дал? – с упреком спросил Арбат. – Не надо было давать. Теперь его сдержать надо. Если не найдешь Сухаря, мы тебя сами найдем. Ты меня понял пацан?

Семен все понял, и кивком подтвердил это.

Действительно, зачем он согласился найти Сухаря? Мог бы обморок изобразить, так нет, на приключения потянуло. Теперь за свои слова отвечать придется...

Глава 3

В больнице Семена продержали всего два дня. Сказали, что ничего серьезного нет, и отпустили. Он уже выходил из палаты, когда к нему пожаловали его новые друзья: Кит, Харитон, Кузов и Джема. Пупа не было, но Семен по нему не очень-то и соскучился. Да и по всем остальным, честно говоря, тоже. Может, и нравились ему эти ребята, но пока до настоящей дружбы еще далеко. Хотя сейчас был сделан еще один шаг к этому.

– Здорово, братан!

Кит крепко пожал Семену руку. У него тоже синяки под глазами, скула содрана.

– Ты куда? – спросил Харитон.

И у него рукопожатие такое же крепкое.

– Домой выписали.

– А нам твоя матушка сказала, что ты здесь, – Кузов по-приятельски хлопнул Семена по плечу.

Рука у него тяжелая – такое ощущение, будто рельсу на плечо уронили. Теперь понятно, почему Джема у дискотеки в «солнышко» его приласкала.

– А мы тебе яблок принесли, – с интересом разглядывая Семена, сказала девушка.

– Яблоки! – передразнил ее Кузов. – Ему бы сейчас пивка! Да, Сэм?

– Ну, можно...

Тошнота уже прошла, но голова временами еще кружилась. Да и вообще состояние нестойкого у него. Лечь бы и лежать, ни о чем не думая. И хорошо, если мечта о пиве так и останется мечтой.

Но нет, на станции он сходил в магазин, раздобыл там несколько целлофановых пакетов, из них и приготовил тару под пиво, которое продавалось неподалеку. Правда, у пивной очередь, как в Мавзолей. Сухой закон как-никак.

Говорят, алкаши Горбачева собрались убивать, пошли к нему в Кремль, а пройти не смогли. Очередь за его головой выстроилась такая, что нужно было ехать аж в Тамбов, чтобы встать в нее.

Впрочем, Кузов не церемонился. Он вежливо втиснулся в очередь у самого ее начала.

– Эй, пацан, куда прешь? – возмутился усатый мужчина в светлой перфорированной шляпе.

– Слышь, дядя, тебе что, людей не жалко? – надвинулся на него Харитон.

– Каких людей? – дрогнул тот.

– Больных. С перепугу помирают. Их только пивом вылечить можно. А если они помрут, кто виноват будет?

– Ладно, ладно...

Никто больше возникать не стал. Кузов мог и в зубы дать, а Кит с Харитоном его бы поддержали. Да и Семен, если что, вмешался бы, несмотря на дурное состояние.

Целлофановой тары у Кузова было литров на двадцать, не меньше. Но денег хватило только на шесть. Кстати говоря, больше и не наливали. Норма. В Стране Советов это понятие железобетонное.

От станции до разъезда километр пути. Тропинка вдоль железнодорожного полотна широкая, удобная, правда, на полпути она свернула в орешник, оттуда вывела в овраг, на дне которого уютно журчал ручеек. Ивы здесь, вербы, молодые сосенки. Трава свежая, как будто не август на дворе, а только май.

Но главным украшением здесь была фанерная будка для перевозки людей. Правда, без машины. Старая будка, но дыры аккуратно залатаны, стекла целые, и еще выкрашена она в зеленый цвет, как будто для того, чтобы издали не бросалась в глаза.

Дверь была заперта на висячий замок, но Кит открыл ее ключом, а Харитон с Кузовом вытащили оттуда стол, две скамейки. Семен заглянул в будку. Из мебели здесь осталась только железная кровать с матрасом, зато старого пыльного хлама нет. И кровать манила к себе. Но Семен сел на скамейку.

– Нравится? – спросил Харитон.

– Нормально.

– Наше место. Про него никто не знает. Мы тут часто пропадем. Пиво пьем, девочек топчем.

– Ой, да ладно, девочек он топчет! – засмеялась Джема. –

Каких девочек? Ну, привел корову Люську! Она, что ли, девочка?

– Может, и не совсем девочка, зато без проблем.

– Ага, и со всеми! Шлюха еще та – эта ваша Люська!.. Сэм, если они тебя Люськой соблазнять будут, не ведись. Если такая ночью приснится, можешь и не проснуться...

– Да не будем мы его Люськой соблазнять, – усмехнулся Кит. – Он у нас Натаху любит.

– Да уж лучше Натаху! – криво усмехнулась Джема. – Она хоть и шлюха, зато красивая.

Семен вопросительно посмотрел на девушку. Несмотря на то что она принадлежит к особам женского пола, у него вдруг возникло желание отвесить ей подзатыльник.

– А ты что, правда в нее втюхался? – раздраженно спросила Джема.

– Не твое дело!

Наташа до сих пор производила на него впечатление. Может, потому он и пошел драться с люберецкими, чтобы она увидела в нем героя... Но Джему это не должно волновать. И Кита тоже. Зачем он сплетни распускает?

– Точно втюхался! – засмеялся Харитон.

– Можно подумать, ты к ней ровно дышишь, – скривилась Джема.

– А че, баба красивая! И Пуп мой кореш; может, сосватает, а?

– Ты в зеркало когда последний раз смотрелся? – хмык-

нула Джема. – Да она с тобой на один гектар не сядет. А машина у тебя есть? А квартира в Москве?.. Ей твоя любовь даром не нужна!

Харитон с досадой махнул рукой. Похоже, он и сам прекрасно понимал, что с Наташей ему ничего не светит.

– Да, Натаха у нас еще та штучка. И мой тебе совет, Сэм: не заморачивайся на нее, бесполезно это, – сказал Кузов. – У нее хахаль московский, с квартирой, машиной...

– И с небитой рожей, – хмыкнул Харитон.

– А чего так?

– Да с этим как-то не успел. А раньше к ней на мотоцикле приезжал, так тому я навалял...

Может, это и не метод борьбы за женщину. Но Семен благодарно улыбнулся. Как будто Харитон набил кому-то морду по его личной просьбе.

А ведь и самому Семену от него досталось. Из-за Наташи. Сначала Пуп за нее спросить пытался, а потом и Харитон подключился. И хорошо, что Семен выстоял, иначе был бы он сейчас изгоем в своем дворе.

Кит взял стакан, зачерпнул из пакета пиво, передал Семену.

– На, держи, ты у нас больной, тебе лечиться надо.

– Нет, сейчас не буду, – покачал головой Семен. – Хреновато что-то.

– Чего так? Мне тоже по башне дали. Ничего, нормально все.

– Значит, у тебя башня крепче...

– Или врезали не так сильно... Ты молоток, Сэм, нормально толпу поднял.

– Я сам заменьжевался, – кивнул Харитон. – А ты как заорешь! Как побежишь! Я за тобой! Толпа за тобой!.. На равных бились, пока менты не подтянулись...

– Да ментов я помню, – усмехнулся Семен. – Мне там еще добавили. Нравится драться, спрашивают. На, говорят, получи, если нравится. Получи, говорят, и распишись...

– Мусора совсем оборзели, – напыжился Кузов.

– Да, влетел ты, Сэм... Ну, ничего, зато мы теперь знаем, что ты реальный пацан, не какое-то там фуфло, – сказал Кит.

– С люберами тяжело тягаться, – в раздумье сказал Семен.

– Да мы в курсе.

– Толпа на толпу с ними трудно. А почему? Потому что у нас толпа, а у них организация. Мы вот пиво глушим, а они железо тягают, мышцы качают, груши молотят. Меня менты забрали, кто-нибудь из вас за мной заехал? Нет. А они за своим подъехали. На машине. Потому что организация.

– А толку? Ну, подъехали бы, и что? – чувствуя неловкость, спросил Кит.

– Моральная поддержка тоже много значит... Вот менты меня спросили, кто в драке участвовал. Я мог бы вас назвать. А не назвал. Потому что мораль у меня есть, потому что не стукач...

– Да, братан, попал ты... Что ты там про груши говорил? –

спросил Кит.

– Любера, говорю, тренируются. Груши, спарринги, тому подобное. Я видел, как они машутся. Чувствуется система...

– Так и нам система нужна.

– Зачем?

– Люберов мочить. Если они к нам еще раз сунутся.

– А сунутся?

– Запросто. Им силу девать некуда, вот и лезут на рожон.

– А она нужна вам, эта дискотека? Какой от нее толк? – спросил Семен.

– Что-то я тебя не понимаю, Сэм, – косо глянул на него Кит. – У тебя что, очко играет?

– А ты храбрый?

– Я?! А ты у пацанов спроси!

– Я не понял, Сэм, ты что, на Кита наехал? – нахмурился Харитон.

– Да нет, просто интересно знать, какой смысл нам с люберами воевать?

– Нет смысла, – покачала головой Джема. – Смысла нет, а интерес есть. Потому что это круто – с люберами воевать.

– Вот, Сэм, слушай, что тебе баба говорит! – Кузов неприщипливо глянул на Семена.

– Я тебе не баба! – возмутилась Джема и сильным резким движением таза столкнула его со скамьи. – Сколько раз тебе говорить!

– В натуре, Кузов, Джема всегда с нами. И люберов не

боится. Какая она баба? – хмыкнул Кит.

Нетрудно было догадаться, в чей огород полетел этот камень. Но именно этого и добивался Семен.

– Я тоже люберов не боюсь, – сказал он. – Потому и забился с ними. Есть у них Сухарь с Волковской улицы. Он мне свой адрес дал, я должен с ним встретиться, когда оклемаюсь...

– Зачем? – замороженно глядя на него, спросил Кузов.

– Кто из нас круче, будем выяснять.

Семен рассказал, как вышел из ментовки, как столкнулся с люберами, как они отвезли его в больницу.

– Пацаны они нормальные. Только Сухарь у них без тормозов. Он мне вызов бросил, я его принял... Я им слово дал, что встречусь с ним. И вам про это рассказал. Теперь у меня выхода нет: или Сухаря сделать, или под поезд, как Анна Каренина.

– Круто ты с ними забился, не вопрос, – крепко задумался Кит. – Только не надо было...

– А ты что, люберов боишься? – пристально посмотрел на него Семен. – Так я тебя с собой не зову. Сам вызвался, сам и подъеду.

– Куда, в Люберцы? К волкам, на Волковскую улицу?.. Не, я, конечно, не боюсь, но соваться к черту на рога глупо...

– Я все понял... Люберов я боюсь. А ты люберов не боишься. Никто из вас не боится. Только к ним я один – бояться иду. А вы здесь остаетесь. Потому что герои. Потому что

никого не боитесь. Счастливо вам здесь оставаться и никого не бояться.

Семен вышел из-за стола и направился к железной дороге. Он сыграл на скрипке, которую настроил сам Кит, пристыдил его, но, как оказалось, зря. За красивыми словами этих ребят скрывалась пустота. Никто не пошел за ним. Никто не захотел его поддержать.

* * *

Семен чувствовал себя последним идиотом. Зачем ему все это надо? Кому он что хочет доказать? Зачем приехал в Люберцы, зачем нашел Сухаря, зачем спустился в подвал, где тот занимался со своими пацанами?

Гулко здесь, и мощные удары по макиваре протяжным эхом скачут по стенам. Это Сухарь отрабатывает удары. Ноги у него длинные, сильные, растяжка отменная, да и техника на уровне. Вроде прямой в живот бьет, но на полпути ступня уходит в сторону, и получается боковой в голову. Мощные удары, убойные.

И Арбат здесь, и Каток. Один штангу самодельную насилует, другой двухпудовую гирию кидает. Душно здесь, сыро, потому пот с них градом льет. И Семена в холодный пот бросило.

– Сухарь, тут тебя спрашивают! – с важным видом крикнул мальчишка, который и привел Семена в этот подвал.

Сухарь оторвался от дела, удивленно посмотрел на Семёна. И Арбат на него вытаращился. И Каток свою гирию бросил, чешет взмокший затылок.

– Какие люди! Какие гирии! – глумливо засмеялся Сухарь.

– Тебе что, жить надоело? – спросил Арбат. – С жизнью решил покончить?

– Я слово дал, – коротко ответил Семён.

– Да, дела... Ну давай, распрягайся, раз пришел. Посмотрим, кто из вас круче, ты или Сухарь.

– Я тебя сейчас убивать буду, – угрожающе сощурился Сухарь. – Прямо здесь.

Он злой, мышцы у него разогреты, сам парень в отличной форме. Все преимущества, казалось, находились на его стороне. Но Семён уже и без того в этом болоте по самые уши, и некому его отсюда вытянуть. Одним словом, деваться ему некуда, поэтому он стал готовиться к бою, пытаясь сдержать мандраж в ногах.

– Давай сюда!

Арбат деловито взял его за руку и стал наматывать на кисть грязный и мокрый эластичный бинт. А Каток стал выносить из подвального отсека железо – гири, штанги, гантели. Он освобождал место для предстоящего поединка.

Помещение довольно-таки просторное, для двух рингов. Но здесь нет упругих канатов, как на ринге, только голые бетонные стены, о которые запросто можно разбить голову. Так

что нельзя позволять себя загонять в угол.

– Сам пришел? – спросил Арбат. – Или ваши где-то рядом?

– Сам.

Не ссорился Семен со своими новыми приятелями. Просто ушел от них, закрылся дома и отлеживался в своей камерке, пока не пришел в норму. А потом взял да и приехал сюда, никому ничего не сказав. А не хотелось попусту распинаться перед тем же Китом, который герой больше на словах, чем на деле. Не боится он люберецких. Точно, сидит сейчас в своей будке и ничего не боится...

– Зря. Пацан ты нормальный, но чужой. Если разозлимся, и толпой навалиться можем, – предупредил Каток.

– Зачем толпой? Я его сам сейчас уработаю!.. Ну что, начнем?

Сухарь принял боевую стойку, и Семену ничего не оставалось, как повторить его движение.

Боксом он занимался с девяти лет. Но слышал и про карате; одно время даже отрабатывал удары ногами – правда, очень быстро с этим завязал, решив, что кулаки гораздо надежней. В карате все красиво на показ – четкие удары, эффектные блоки. Только руку под удар нужно выставлять правильно, так чтобы оппонент не травмировал таранную кость голеностопа. Даже в зачетном спарринге требовалось соблюдать это правило, чтобы не нарушать эстетику боя.

Только в жизни все иначе. И когда Сухарь атаковал Семе-

на ногой, тот без всякого сожаления подставил под удар острый локоть. Сухарь взвыл от боли, отскочил назад, попрыгал на двух ногах, унимая боль. Семен все это время стоял в боевой стойке и наблюдал за ним. Атаковать пока рано.

– Ну чего ты, давай, давай! – Сухарь пальцами двух рук поманил его к себе.

Но Семен на провокацию не поддался. И когда Сухарь сам пошел на штурм, ответил ему контратакой. Правда, двойка в голову всего лишь слегка сбила накал страстей. Противники обменялись ударами и разошлись, чтобы снова наброситься друг на друга.

Сухарь сыграл в обманку – обозначил удар ногой в живот и той же ступней попытался пробить в голову. Но Семен снова поставил блок локтем, и снова противник отскочил назад. Только на этот раз он провел тройку в голову, и Сухарь оказался в легком нокауте. Правда, он очень быстро оправился от удара и снова ринулся на Семена.

Противники обменялись ударами, вошли в клинч, сцепились, как борцы, и рухнули на пол, катаясь по нему. Сухарю повезло больше – он смог оседлать Семена, ударить его несколько раз локтем в челюсть, а затем приложить затылком о железобетонный пол. Но эти удары не сломили Сэма, а, напротив, еще больше разозлили. И еще он вдруг ощутил прилив сил, что позволило ему скинуть с себя Сухаря и самому насесть на него.

Пользуясь своим преимуществом, Семен ударил его кула-

ком в нос раз, другой, потом вдруг сам оказался под противником и пропустил кулак в челюсть. И в этот раз он извернулся, оседлал Сухаря, занес над ним кулак. Но тот поймал его за одну руку, за другую. Мощи в нем жуть как много; еще чуть-чуть, и Семен снова потеряет свое преимущество. Что же делать?

В боксе нельзя бить головой. Но в уличной драке можно. Тем более у Семена не было иного выхода – или ударить, или оказаться под Сухарем. Он ударил. Представил, что на него смотрит мягкая голова чучела, и боднул ее изо всех сил. На свою беду, Сухарь приподнял голову, а удар Семена больно впечатал ее затылком в пол.

Сухарю досталось с двух сторон. Сознания он не потерял, но руки разжал. И теперь Семен мог добить его кулаками.

Он бил Сухаря до тех пор, пока чьи-то сильные руки не стянули его с жертвы. Это Арбат вступился за своего дружка. И Семену пришлось выдержать мощнейший удар в голову. Он поплыл, но на ногах удержался.

– Я же тебе сказал, что мы можем толпой! – надвигаясь на него, рыкнул Арбат.

И Сухарь уже с пола поднимается, и Каток в полной боевой.

– Ша, братва! Нельзя так! – заорал вдруг Кит.

– Давай толпа на толпу! – крикнул Харитон.

Семен облегченно вздохнул, глядя, как друзья вламываются в подвальный отсек. И Кузов с ними, и Пуп, и даже

Джема.

– Э-э, я не понял! – ошарашенно протянул Арбат, разворачиваясь к ним.

– Чего ты не понял? С тобой по-честному, раз на раз! – рычал Кит.

– Все, пацаны, замяли тему! Непонятка вышла. Ваша взяла!

Арбат с улыбкой выставил руки ладонями вперед, вроде бы в шутку, но сдавался он по-настоящему. А ведь Семен мог и не выйти из этого подвала, если бы друзья не пришли ему на помощь.

Глава 4

Груша хороша, если она кожаная и набита конским волосом, но где такую взять, когда финансы поют романсы? И кожи на пошив нет, и конского волоса тоже. В общем, приходилось довольствоваться тем, что было под рукой. Взяли обычный мешок из-под картошки, набили его песком, подвесили к дереву. Тут главное – желание заниматься, а качество инвентаря – всего лишь приложение к нему. Будет желание, будет и результат.

Бум! Бум! Бум!.. С каждым ударом с клена осыпаются листья. И это не только потому, что удары у Харитона мощные, тяжелые. Просто осень уже пришла, пора листопада.

Август был жарким. Драка за танцплощадку, менты, больница, стрелка с люберецкими... А сейчас вроде прохладно. Любера не наезжают, больших разборок не предвидится, но сидеть сложа руки никто не хочет. Кит решил, что ему нужна такая же организация, как у любителей. И свое тайное место у ручья он превратил в спортзал под открытым небом. Теперь здесь текло не пиво, а пот, потому что пощады Кит никому не давал.

И груши здесь боксерские, и чугунные рельсы, которые хорошо тягать вместо штанги. Пуп мышцы качает, Джема удары ногой отрабатывает, Семен учит Кузова уклоняться от ударов, а Кит лупит по животу Беляка, высокого пухля-

ка с задатками тяжелоатлета. Живот у него слабый, рыхлый, и Кит уверен, что ему нужно укрепить пресс. Вот он его и укреплял.

– Кит, тут к тебе из Вольного пацаны, – сказал Ухач, еще один боец из команды Кита.

Он стоял на шухере, хотя, казалось бы, большой необходимости в том не было. Травку здесь не курили, краденое добро не прятали, девчонок не насиловали – в общем, ничего противозаконного. Но порядок есть порядок. Все хорошо помнили, с какой легкостью Кит с пацанами прошел в качалку к люберецким и застал хозяев врасплох. А все потому, что подвал не охранялся.

У люберов организация, система, но и своих недостатков хватало. И на этих ошибках надо было учиться, чтобы самим не попасть впросак. Вот и сейчас в овраг спустилась целая толпа, человек семь-восемь. И пока непонятно, какие у них намерения. Вроде бы свои люди, а все равно, подвох не исключен.

– Здорово, Кит!

Вперед вышел плотного сложения парень в черной болоньевой куртке. Он пожал руку Киту, затем поздоровался с Семеном, тем самым как бы выделив его среди остальных.

Кит был старшим в команде, но после случая с люберецким Сухарем авторитет Семена поднялся как минимум до его уровня.

– Чего надо, Бутон?

– Да вот, слухи тут ходят, что ты на люберов собираешься наезжать.

– Я не знаю, куда эти слухи ходят и на чем их вертят. Какой мне интерес на люберов наезжать? У них своя свадьба, у нас своя... А тебе что?

– Да нет, просто все спят, а ты готовишься. Качалка у тебя здесь. Может, мы с тобой, а? Мы с Линеиной улицы, тут рядом...

– Да знаю, что рядом... Ты на этой Линеиной заправляешь, да?

– Я.

– А здесь я старший. И если хочешь с нами, то подчиняться будешь мне.

– Ну, можно, – неопределенно пожал плечами Бутон.

Он и не прочь был слиться с командой Кита, но для приличия должен был хотя бы немного поработать на публику.

– Можно Машку за ляжку, – насел на него Кит. – А у нас тут дисциплина. И никакой анархии.

– Так потому и пришли... Только качалка у вас не очень. Скоро дожди польют, а там зима...

– Ну, и зачем ты это сказал?

– Можно в подвал перебраться. У нас дом на Линеиной, там подвал отличный. Только нас тренировать некому. А у вас тут свой тренер, говорят, – Бутон выразительно посмотрел на Семена. – Крутой, говорят, с люберами раз на раз выходил...

– Ну, тренер не тренер, а машется классно, – кивнул Кит. – Нормальный подвал?

– Большой, сухой. Ремонт, правда, надо сделать. У Костыля отец в строймонтаже работает, через него цемент можно взять...

В общежитиях разъезда подвалы были, но низкие и безнадежно залитые водой; в сараях не позанимаешься – маленькие они, да и свободных нет.

– Ладно, пошли глянем, что там за подвал, – решил Кит.

И посмотрел на Бутона не терпящим возражений взглядом. И тот покорно повел его к поселку. Вся толпа двинулась за ними. Семену тоже интересно было посмотреть, что там за подвал такой, поэтому он последовал за всеми.

Бутон подвел толпу к четырехэтажному крупнопанельному дому, что стоял на окраине поселка. Своим ключом открыл дверь в углублении под шиферным козырьком.

Подвал действительно впечатлял. Просторный, сухой. Широкий коридор на всю длину дома, отсеки по бокам – каждый не меньше двадцати квадратов. Трубы в минеральной вате под потолком, слуховые оконца, через которые сюда проникал свет. Первые отсеки забиты строительным мусором, но его при желании можно вынести.

– Бутон будет директором этой качалки, – раздобрился Кит. – Ключ у тебя, ты всем здесь и распоряжайся... Цемент, говоришь, есть?

– Пока нет, но достать можно. И цемент, и песок, и стяжку

на пол, и стены оштукатурить. Клюв, Валек и Шпак на строителей учатся, пусть занимаются...

– А я на швею учусь, – в раздумье сказала Джема. – Можно чехлы пошить. Для боксерских мешков... Только машинки нет и брезента...

– Машинку найдем, – загорелся идеей Кит. – А брезент купить можно.

– На какие шиши?

– А на те, которые на горбу растут. В бурсу все равно никто не ходит; на станцию пойдем, вагоны разгружать. А заодно качаться будем.

Семен пожал плечами. Его новые друзья числились в профтехучилищах, и один только он учился в школе. Уроки он тоже прогуливал – времени свободного хватало с избытком, но вкладывать грузчиком что-то не очень хотелось.

– Что это здесь такое? – раздался вдруг громовой голос.

В подвал спустился грузный мужчина с большим рыхлым носом. Тяжелые движения, одышка, капли пота на лбу.

– Я спрашиваю, кто вас сюда пустил? Откуда у вас ключи?

– Да на земле валялись. А что такое, дядя? – нагло вато спросил Бутон.

– А ну пошли отсюда!

Кит подошел к нему, пристально и в упор посмотрел на него. Взгляд у него тяжелый, неудивительно, что мужик ступешевался.

– Спокойно, дядя, не кипятись. Нервные клетки не вос-

становливаются. Кто ты такой?

– Я кто такой? Я главный инженер ЖЭКа! А вот вы кто такие?

– Нам этот подвал понравился. Мы здесь спортом заниматься будем. Или ты против?

– Против!

– А если мы тебе платить будем? Пять рублей в месяц.

– Это не ко мне!

– Тогда не станем тебе платить. А заниматься будем.

– Я сейчас милицию вызову!

– И что нам твоя милиция сделает? Выгонит отсюда? Так мы снова вернемся... А что мы с тобой потом сделаем? – угрожающе сощурился Кит. – Правильно, пузо тебе проткнем и жир из тебя выпустим. Исключительно в оздоровительных целях... Хочешь, чтобы мы тебе пузо проткнули?

Толстяк испуганно попятился, но за спиной у него уже стоял и Пуп, и Кузов, и они вдвоем подтолкнули его в сторону Кита.

– Вы... Вы не имеете права! – жалко пробормотал мужчина.

– А ты не гони нас отсюда, дядя, и все будет в порядке. И с тобой все путем будет... Не надо нас злить. Мы ребята не простые, любим почки отбивные. С нами по-хорошему надо. И мы с тобой тогда по-хорошему. Ты меня понимаешь, дядя?

– Ну, в общем, да. Только от меня ничего не зависит. Тут надо через комитет комсомола решать, он поможет вам этот

подвал на себя оформить. Если спортом хотите заниматься. Так можно, у нас совещание было по этому поводу...

– Хорошо, как надо все оформим. И ты пока нам не мешай, ладно?

Главный инженер нервно кивнул и поспешил ретироваться.

– Как думаешь, ментам накапает? – спросил Кит, глядя на Семена.

– Все может быть. Уходить отсюда надо. Со стороны посмотреть, что да как. Если нормально все будет, то вернемся...

– А если ненормально?

– Тогда через комсомол решать будем. Ты комсомолец?

– Вроде того.

– И я вроде того. А нас занять чем-то надо. Спортом, например, чтобы мы водку не жрали...

– А кто возьмется за это дело?

– Я возьмусь, – пожал плечами Семен.

– А получится?

– Не знаю.

– Наташку можно подключить, – сказал Пуп. – У нее хорь в Москве, в ЦК ВЛКСМ, инструктор там такой-то...

– Точно, что ей стоит поговорить с ним? – язвительно сказала Джема. – Подмахнула разок, и дело в шляпе.

Семен жестко глянул на нее. Может, Наташа и спит с кем-то, но нечего трепаться об этом... А может, и не спит вовсе.

Может, девственность свою бережет. Для него...

* * *

Только что мышцы ломило от дикой усталости, глаза закрывались – так хотелось спать после ночной смены, но все это вдруг прошло, и Семен ощутил необычайную легкость в теле. И все потому, что на него смотрела сама Наташа. Не мимо смотрела, как обычно, а точно на него. И улыбалась не вообще, а ему.

Он стоял на том же месте, с которого впервые увидел ее. Только грузовика с мебелью здесь не было. Зато Наташа все в той же фирменной кожанке и мини-юбке – поверх элегантных теплых колготок. На ногах полусапожки на высоком каблуке. Но самое печальное, на въезде во двор стояла все та же белая «шестерка», которая увозила ее в прошлый раз. И которая собиралась увезти ее сейчас. Именно к ней Наташа и направлялась. Правда, на этот раз она соизволила уделить Семену минутку внимания.

– Ты, что ли, у нас новенький? – с улыбкой спросила девушка, но без особого интереса окинув парня взглядом.

– Ты откуда знаешь? – с трудом проговорил он.

От волнения заложило горло, и еще в ушах стучало так, что свой голос казался чужим.

– Что ж, по-твоему, я не знаю, кто живет в нашем гадю... Я всех здесь знаю. Мне Игорь про тебя говорил...

– Как мы из-за тебя подрались, говорил?

– А вы из-за меня подрались? – заинтригованно спросила Наташа, поведя бровью.

– Ему не понравилось, что я на тебя заглядываюсь, – осмелел Семен.

– А ты на меня заглядываешься? – засмеялась она так, как смеется женщина, общаясь с ребенком.

– Да есть немного, – смущенно улыбнулся Семен.

– Ладно, некогда мне об этом говорить. Насчет подвала надо узнать. Спросить хотела, зачем он вам нужен?

– Спортом заниматься будем.

– Мышцы качать, кулаки набивать...

– Ну да.

– А зачем?

– А настоящими мужиками хотим быть.

– Похвально... В общем, поедешь в районный комитет комсомола, найдешь там Илью Солнцева. Ему звонили, он все знает.

Попрощаться Наташа не удосужилась. Просто повернулась к Семену спиной и направилась к машине.

Как и в прошлый раз, он провожал ее взглядом, а она даже не обернулась. Неинтересно девушке знать, какими глазами он на нее смотрит. Сейчас она могла думать только о своем хахале... Набить бы ему морду. Но тогда с подвалом пролет будет...

Семен стоял, глядя Наташе вслед, пока «шестерка» не

скрылась за поворотом.

– Эй, чего на мою сеструху заглядываешься? – услышал он сзади.

Снова Пуп к нему со спины зашел. Только на этот раз драться он не собирался. И улыбался задорно. Джема с ним, только она почему-то хмурая.

– Потому и заглядываюсь, что красивая.

– Не для твоего сапога пара, – усмехнулась Джема.

– Ничего, будет и на нашей улице асфальт.

– Да, и губозакаточная машина навстречу.

– О чем вы говорили? – спросил Пуп.

– О любви.

– Да ладно!

– Любовь, комсомол и весна... Комсомол уже есть. А весна еще будет. И любовь тоже... Наташа нашу проблему решила. Через комсомол.

– А может, через постель? – съехидничала Джема.

– Слушай, ты уже достала! – взъелся на нее Пуп. – Не твое дело, как она все решает, поняла?

– Мое, не мое, а что вижу, то и говорю!

– Я тоже вижу. Что ты никакую проблему через постель решить не сможешь. Потому что спать с тобой никто не захочет!

Джема изменилась в лице, в глазах сверкнули молнии. И тут же последовал удар. Пуп согнулся в поясе, хватаясь за отбитые коконы, а она с гордым видом зашагала к своему

дому.

– Сука! – просипел Пуп, озлобленно глядя девушке вслед.

– Еще какая, – согласился Семен.

Будь на месте Пупа кто-нибудь чужой, он бы уже размазал его по стенке за такие слова. Но Пуп свой, а Джема действительно сука.

* * *

Длиннолицый мужчина отчаянно тер воспаленный глаз. Небритый, помятый да еще и пьяный. Но под мокрым, распахнутым настежь плащом был виден спортивный костюм, и еще секундомер висел на груди.

– Это что за чудо такое? – засмеялся Кит, недоуменно глядя на него.

– Ик... Я ваш тренер... Петр Данилович... Ик... Из спорткомитета... Я присяду?

Не в силах больше удерживать пьяное тело на шатких ногах, он присел на табуретку. И руку под плащ сунул, за сердце взялся.

– Ну, если тренер, тогда не вопрос, – сказал Кит.

Только Петр Данилович его уже не слышал. Он уронил голову на грудь и стал заваливаться на бок. Но сердце здесь ни при чем. Заснул мужик спьяну. Харитон и Клюв подхватили его на руки и уложили на старый списанный мат, любезно выделенный тем же спорткомитетом.

Товарищ Соленцов оправдал возложенные на него надежды, оформил подвал на Линейной улице как спортзал, провёл его через спорткомитет. Но чтобы братва могла заниматься здесь на законных основаниях, в секции должен был быть тренер. Вот его и прислали. Отдали то, что не жалко. Что ж, пусть Петр Данилович просыхает на матах в зале, а в тренерской хорошо и без него.

Кит знал, что говорил, когда отправлял братву разгружать вагоны. Работа очень тяжелая, зато прибыльная. И платили неплохо, и часть груза можно было налево пустить. Только одного цемента целую машину сюда пригнали, уложили в один отсек, и сейчас он расходуется понемногу. И стройка здесь идет, и занятия по расписанию, утвержденному Семёном. Он здесь тренер, Бутон – директор спортзала, а Кит над ними главный начальник. И никакой спорткомитет не в силах изменить это штатное расписание.

Пока до ума в подвале довели только два помещения – зал для занятий и тренерскую. Стены оштукатурили, полы линолеумом застелили, кое-какой мебелью разжились. В тренерской стоял допотопный канцелярский стол, такой же древний диван, стулья вдоль стены, ремонт не выдерживал никакой критики, но все-таки это было помещение, где мог собираться народ. И поляну здесь можно было при желании накрыть, и о делах при необходимости поговорить.

– Обидно, – усаживаясь за стол, с насмешкой сказал Кит. – Тренер по литрболу появился, а мы, как назло, в завязке.

– Так это, можно и развязаться, – выразительно посмотрел на собеседника Кузов. – Я бы сейчас от пивка не отказался...

– Пиво летом хорошо, – покачал головой Кит. – А у нас зима на носу. Отопительный сезон начался, а трубы здесь греют плохо. И дует из всех щелей. А что будет, когда морозы ударят?

– Печки нужны, буржуйки, – сказал Бутон.

– А где их взять?

– Купить можно.

– Дорого. А вагоны разгружать надоело.

Семен, соглашаясь, кивнул. Тренировки дают силу, а работа ее забирает. Да и тяжело вагоны-то разгружать. Если бы чего попроще... Но без профессии можно устроиться только грузчиком и чернорабочим.

– Надо по складам поискать, может, печки где завалились, – предложил Харитон.

– Да нет, не дело это – по складам шарить. Одно дело взять, что плохо лежит, и совсем другое – склады ломать. Что-то мне в тюрьму неохота, – покачал головой Кит.

– У нас же есть деньги, – сказала Джема.

– Неприкосновенный запас.

Но Джема не вняла этому аргументу.

– И машинка швейная есть. И место для цеха. Я знаю, где ткань джинсовая продается, можно джинсы шить. Под фирму шить можно. А товар через бурсу толкать...

– Джинсы? – задумался Кит. – Я и сам джинсы хочу.

– И я, – кивнул Кузов.

– Лучше джинсы шить, чем вагоны разгружать, – задумался Семен.

– Одна машинка у нас есть, еще найдем, я девчонок позову. Места в подвале полно, на несколько цехов хватит...

– А девчонки красивые? – весело спросил Кит.

– Умелые.

– Нет, умелыми должны быть ручки, а девчонки должны быть красивыми... Давай тащи сюда своих девчонок, посмотрим, что они могут...

– А машинки? Машинка только одна.

– Ничего, что-нибудь придумаем.

Увы, но Кит не смог придумать ничего умней, чем снова заставить своих пацанов разгружать вагоны. Ну да, новое веяние времени – бригадный подряд, бригадный хозрасчет.

И вообще, перестройка – важный фактор, расхерачили реактор, потопили пароход, пропустили самолет, наркоманов развели, СПИД в Россию завезли. То ли еще будет...

Глава 5

В будние дни площадь перед Рижским вокзалом пустовала, но в субботу здесь начиналось светопреставление. В деревянных палатках раскладывали свой товар кооператоры, со всех концов Москвы сюда съезжался народ, и начинался такой торг, что к станции метро невозможно было подойти.

Своя палатка была и у «сто-дробь-четвертой» бригады. Два пацана за прилавком, другие рядом околачиваются. Без охраны сейчас никак нельзя. В любой момент могут подъехать люберецкие братки. Или долгопрудненские. Или солнцевские. Ребята эти серьезные, если что не так, могут весь товар отобрать. А ментам жаловаться дело бесполезное. Менты и сами рублик-другой на сигареты стрельнуть не прочь.

За неделю кооператив «Волынь» натачал для Рижского рынка с полсотни джинсовых брюк и курток. И все это нужно продать за два дня. Но, похоже, управиться с товаром получится за одну субботу: торговля сегодня идет бойко. Еще бы, у Джеммы особая технология варки, джинса после нее становится не хуже, чем импортная. И девчонки в мастерской руку набили – качество пошива отменное. Ну и еще заклепки там всякие, лейблы под настоящую фирму. Цены, правда, не дешевые, но именно на это народ и ведется. Если дорого, значит, оно того стоит. Главное, дороговизна должна быть в пределах разумного...

– Почем курточка?

К прилавку подошли трое. В спортивных костюмах, накачаные, с короткими прическами.

– Сто пятьдесят, – перемалывая челюстями жвачку, отозвался Пуп.

– Фирма?

Семен уже рядом, он все видит. И пацаны потихоньку к палатке подтягиваются. Харитон, Кузов, Валек, Шпак, Юрчак.

Кто-то штаны да куртки в подвале шил, а кто-то бойцовским спортом усиленно занимался, силу подкачивал. И эти ребята зря времени не теряли. Возмужали они за последний год, в рост пошли, вширь раздались. Только один Пуп как был мелким, так и остался. Метр за прилавком спрятан, а из-за него только кепка выглядывает. Говорящая кепка.

– Нет, но под «Леви Страус» – пошив, строчка, лейбл, заклепки, все дела.

– Липа, короче, – рассматривая куртку, ухмыльнулся здоровяк с борцовской шеей и сломанными ушами.

– Не нравится, не покупай.

– Да я уже купил, – угрожающе ощерился детина с квадратным лицом и шарообразным кончиком носа. – Здесь купил, на этом лотке. Мне сказали, что это фирма, я поверил, с пацанами на полкосаря забился, что не липа. А стали смотреть – всё липа. Короче, я на пятьсот рэпанов из-за вашей липы погорел...

– И что с того? – спросил Абрикос, выдвигаясь из глубины прилавка.

Он тоже боец отличный и, если эти двое наедут на Пупа, может дать им отпор. Впрочем, они уже наехали.

– Пятьсот рублей с вас! За подставу! – заорал на него парень со сломанными ушами.

Семен подошел к нему, толкнул его в плечо.

– Слышь, чудила, ты на кого наезжаешь?

Парень резко развернулся к нему, но свирепость на лице смешалась с растерянностью. Семен сам по себе имел внушительный вид – рост за метр восемьдесят, в плечах косая сажень. Да еще пацаны за широкой спиной.

– Я не понял, ты че, за лохов подписываешься?

– Это не лохи. Это наши пацаны. Бизнес здесь у нас. Чего непонятно?

– У кого это у вас?

– Волынские мы.

Такая вот ситуация – бригада «сто-дробь-четвертая», а братва волынская. Потому что в спортзале на Линеинной улице уже чуть ли не весь поселок занимается, вернее, самые достойные из пацанов. Абы кого Кит и Семен к себе в бригаду не брали. А качаться в подвале разрешалось только своим. Две дюжины пацанов у них, может, это не очень много, но для защиты своего дела их вполне хватает.

– Не знаю таких!

Семен мог бы спросить, кого представляют эти двое. Но

не нравились ему эти злые, наглые рожи, не хотел он с ними общаться. Да и по барабану, с кем он имеет дело.

– Ну, тогда пошел отсюда!

– Чего?! – паровозным гудком взвыл браток.

А для Семена это все равно что удар гонга. Пора начинать.

В уличной драке побеждает, как правило, тот, кто бьет первым. Если этот бой между равными. А боец как минимум не уступал Семену.

Кулак от бедра подскочил к виску и на бешеной скорости под легким углом сверху вниз прилетел в подбородок борцу. А кулак у Семена тяжелый, набитый, и удар мощный, фиксированный.

Борец пошатнулся, отступил назад, даже протянул к Семену руку, но вот он поплыл, провалился на шаге, коленом коснувшись земли. И тут же последовал очередной удар – коленкой в нос. Нарботанный удар, отшлифованный до рефлекторной четкости.

Второй бугай должен был броситься на Семена, но он ступешевался и вместо этого подхватил на руки своего дружка. Ну да, типа, раненого с поля боя надо вынести, типа, благородно. Только Семен так не думает. Он понимает, что у пацана очко сыграло.

– Давай вали отсюда! – презрительно скривился он. – И чтобы я тебя здесь больше не видел!

– Мы еще встретимся, – пригрозил парень.

Сделал он это для острастки, чтобы хоть как-то соответ-

ствовать заявленному статусу крутого. Но Семен решил ему этого не спускать.

– Что ты сказал?

С этими словами он ринулся на братка, и его пацаны рванули за ним. Выбор у парня был небольшой – или принять бой или спастись бегством. Он выбрал последнее. Бросил своего подбитого дружка и побежал. Догонять его Семен не стал. И борца не тронул, позволил ему раствориться в толпе.

Он осмотрелся по сторонам. Вокруг много людей; зеваки, что наблюдали за дракой, уже исчезают в этой круговерти. Аментов не видно. И быть уже не должно.

Семен повернул к прилавку. И остолбенел. С Пупом разговаривала его сестра. Наташа стояла к брату спиной и смотрела на Семена. В глазах интерес и удивление. Похоже, она видела, как он расправился с залетными. Семен вдруг ощутил себя героем.

Но крылья за его спиной не распустились. Потому что радость была неполной. Наташа не одна, мужик с ней.

Она такая красивая, а он вообще никакой. Роста ниже среднего, пухлый, руки короткие, слабые. Плечики узкие, а бока широкие. Вряд ли ему больше тридцати, но волос на голове уже почти не осталось. Белая рубашечка с короткими рукавами, тонкий черный галстук, отглаженные коричневые брюки, начищенные туфли. Он стоял рядом с Наташей и смотрел на Семена если не восхищенно, то близко к тому. Правда, при этом он хмурил брови. Дескать, как чело-

век культурный, он не приемлет насилия. А может, не просто культурный. Может, еще и обличенный официальной властью. Если это и есть тот комсомолец из Центрального комитета, который помог им с подвалом...

Полгода или даже больше прошло с тех пор, как это было. И за это время Семен видел Наташу лишь однажды. На Новый год она приезжала домой мать поздравить. Промелькнула перед глазами и снова исчезла. Пуп говорил, что теперь она в Москве постоянно живет. Со своим кавалером. С каким именно, Семен уточнять не стал. А зачем ему это? Лучше вообще ни о ком не знать. Как будто и нет никого. Как будто Наташа живет в Москве сама по себе...

Но нет, здесь она не одна. С кавалером на Рижский рынок пришла, а может, и с мужем.

Мужчина выдохнул так, будто собирался с духом. Решительно подошел к Семену, подал ему руку.

– Здравствуйте! Алексей Усыгин.

Семен вяло пожал его потную ладонь.

– Сэм.

– Так и зовут – Сэм?

– Семен его зовут, – подсказала Наташа.

Знает. Помнит. Значит, не все еще потеряно.

– Плохо. Очень плохо. Тлетворное влияние буржуазной пропаганды – это очень плохо.

Семен удивленно посмотрел на Наташу. С кем это, интересно, разговаривает ее кавалер? Где он тут свободные уши

нашел для своих лекций?

– Если Семен, то Семен. Если Евгений, то Евгений. Если Борис, то Борис. А то Сэм, Джек, Боб...

Семен усмехнулся. Теперь он понял, кого напоминал ему этот тип. Михаил Горбачев в миниатюре. Разве что родимого пятна нет. Зато манера говорить – точная копия.

– Да ладно тебе, Алекс! Нормально все, – ухмыльнулся Семен.

Наташа смотрела на него чуть ли не с восторгом.

– Что?! – вскинулся Усыгин.

– Да так, к слову пришлось. Если Алексей, то Алекс. Если Максим, то Макс...

– Я не Алекс!

– Да пошутил я. Говорю же, к слову пришлось.

Семен мог бы просто послать его далеко-далеко, тем более очень этого хотелось. Но братва ему этого не простит. Наверняка это и есть тот самый тип, который помог им с подвалом. Он же может завернуть все обратно. А в подвал уже столько денег вбухано, сколько родители Семена за всю жизнь не заработали.

– Ну, шутка – это способ самовыражения. Нам шутка строить и жить помогает, – улыбнулся Усыгин.

В это время к ним подошли менты – старшина и прапорщик. И первым делом наехали на Семена.

– Ты, что ли, здесь драку устроил?

– Какая драка, старшина? Рэкет наехал. Вас не было, са-

мим отбиваться пришлось.

– Разрешение на торговлю есть?

Ну вот, началось...

– Товарищ старшина, можно вас на минутку!

Усыгин достал из кармана удостоверение, раскрыл корочки, показал менту. В струнку тот вытягиваться не стал, но плечи расправил, как это бывает, когда имеешь дело с начальством среднего уровня. Конечно, инструктор ЦК ВЛКСМ для ментов невелика птица, но и связываться с таким нежелательно.

Усыгин что-то говорил старшине, тот молча внимал, кивая, а потом ушел, забыв о проверке документов.

– Ну вот, и уладили проблему, – в ожидании восторженного восхваления улыбнулся Алексей.

– Да не проблема это, – покачал головой Семен. – Разрешение у нас есть, и кооператив зарегистрирован – все по закону.

Первое время они шили джинсы подпольно, без всяких на то разрешений. Продавали товар через своих, из-под полы, но скоро стало ясно, что это тупиковый путь развития. Пробовали торговать на барахолках, но без разрешения особо не развернешься. А в мае вступил в силу закон о кооперативах, Джема провела фирму через исполком, и теперь можно работать вполне легально.

– Работаем, налоги платим. А то, что рэкет наезжает, так мы здесь ни при чем...

– Какой рэкет? – как на неразумного, посмотрел на него Усыгин. – Нет у нас в стране никого рэкета. Рэкет – явление сугубо буржуазное, капиталистическое, а мы страна развитого социализма... Хулиганы – да, есть. Может, в последнее время они распоясались, но это явление вполне искоренимо!

Семен выразительно посмотрел на Наташу. Дескать, и где она такого идиота откопала? И зачем он ей вообще нужен, когда есть нормальные пацаны? Он даже мог предложить ей одного такого.

Наташа также выразительно пожала плечами. Она, конечно, понимает, что ее избранник не идеален, но менять его ни на кого не собирается.

– Ты сейчас занят, Сэм?.. Э-э, Семен, – поправился Усыгин.

– Да нет. А что?

– Тут кафе одно хорошее неподалеку. Как насчет выпить по стакану сока?

– Крепкого сока или как?

– Крепкие соки остались в прошлом.

– Ах да, сухой закон...

– А ты что-то имеешь против?

– Я? Нет. У нас в секции вообще никто не пьет. И даже не курит.

– Вот об этом я бы и хотел с тобой поговорить.

Вообще-то Семен не должен был уходить. Неизвестно, что за братков они прогнали, как бы ответная волна не накати-

лась.

– Харитон, за меня остаешься. Я сейчас.

Он мог бы назвать его просто Харя. Своим это позволялось. Но смешно подумать, что сказал бы Усыгин, услышав такое. Что за клички, что за нравы...

В летнем кафе, о котором говорил Усыгин, все столики были заняты.

– Жаль. Может, просто посидим на скамейке? – в легкой растерянности спросил он.

Но Семена этот вариант не устраивал. С Наташей нужно сидеть как минимум в кафе. Он мог бы, конечно, пригласить ее в ресторан, но тогда придется вести туда и Усыгина. А это слишком.

За одним столиком он увидел двух металлистов. Деловые, все в цепях и заклепках, типа крутые. Сок попивают, о чем-то важные беседы ведут. А рядом за столиком сидел всего лишь один мужик.

Семен подошел к металлистам, грозно глянул на них. И кивком показал на соседний столик.

– Теперь у вас новое место. Ну!

– Слышь, ты чего? – возмутился парень с большой серьгой в ухе.

За эту серьгу Семен его и схватил.

– Не зли меня, придур!

– Все, все, мы поняли...

Семен был один, но легко мог справиться с этими двумя.

Да они бы и не стали лезть в драку. Металлисты, панки, хиппи и прочие неформалы – это как красная тряпка для качка. Люберецкие целыми электричками высаживались на Казанском вокзале, чтобы лупить эту шушеру. Именно за любера и приняли его сейчас металлисты, потому и перебрались за соседний стол.

– Что ты им сказал? – нахмуренно спросил Усыгин, занимая освободившееся место.

– А то, что хэви-метал-рок – это круто... Правда, это еще и больно. Особенно если по голове. Все-таки тяжелый и металлический... О чем ты хотел со мной поговорить?

– Грозный ты парень, Сэм. Лихой. Сколько тебе лет?

Похоже, Усыгину не понравилось, что Семен обращается к нему на «ты», но все-таки он смолчал.

– Восемнадцать весной стукнуло. Если б не школа, в армию бы забрали.

Он разговаривал с Усыгиным, а посматривал на Наташу. Как же она красива в свете солнечного дня! И сама по себе как солнце светит. Платье на ней оранжевое, приталенное, короткое – в нем она смотрелась очень эффектно. Впрочем, ее мешковиной оберни, все равно будет сиять...

– А школу как окончил?

– На четверки.

На самом деле аттестат Семена усеян был одними тройками.

– Хорошо. Куда поступать собираешься?

– Да никуда. На работу сейчас устраиваюсь. Петр Данилович совсем спился, увольняют его. Меня на его место ставят... Это же ты нам со спортзалом помог? Или я что-то не так понял?

– Со спортзалом?.. Да, со спортзалом я помог.

Наташа молча кивнула, подтверждая.

– Спасибо... Я сейчас.

Семен сходил к стойке, заказал по стакану сока на всех и мороженое для Наташи. С деньгами у него сейчас без проблем. Все свою долю от бизнеса имеют, хотя большая часть денег уходит в общак.

– И что, работает ваш спортзал? – спросил Усыгин, когда Семен вернулся.

– Работает. Даже официальная ставка тренера есть. Правда, по всем остальным вопросам финансирования нет, но мы с этим делом сами все решаем. Кооператив зарегистрировали, джинсы шьем, куртки. Ремонт у нас там в спортзале, инвентарь, народ занимается... В общем, молодежь без дела не шатается.

– Хорошо. Это очень хорошо... А мы с Наташей тут гуляли, на рынок вот заглянули. Видели, как вы с этими рэкетирами.

– С хулиганами, – поправил Семен.

– Да ладно, с хулиганами, – Усыгин махнул рукой. – Все мы знаем, что у нас любера вытворяют. И рэкет, и все такое...

– И не только любера. Еще из других мест братва поднялась. Веселые времена начинаются...

– В том-то и дело, в том-то и дело... И рэкет, к сожалению, тоже имеет место быть. Но это, пожалуйста, между нами, – перешел вдруг на заговорщицкий тон Усыгин.

– Само собой, – усмехнулся Семен.

– Значит, и спортом вы занимаетесь в подвале, и кооператив там у вас?

– Разве я говорил, что кооператив у нас в подвале?

– А чего ты так испугался? – усмехнулся Усыгин. – Никто на ваше дело не покушается. Хотя если разобраться... Помещение под спортзал отдано, а у вас там кооператив. Непорядок.

Семен исподлобья смотрел на собеседника. Что-то темнит мужик. Вокруг да около ходит, а метит в лоб.

– Но мы же свои люди, да? Зачем нам эти непорядки выявлять?

– С чего это мы свои? – угрюмо спросил Семен.

– А разве ты с Наташей не с одного двора? И с братом ее дружишь.

– Есть такое.

– Наташа меня просила, я вам помог. Теперь и вы мне помогите. Если можете.

– А в чем вопрос?

– С рэкетирами вы ловко управляетесь...

– Так клин клином вышибают.

– И большой у вас клин? Сколько человек ты можешь собрать?

– Для чего собрать? Для разборки?

– Ну, если это так называется...

– Так это и называется. Мы сейчас двоих прогнали, а через час толпа навалится. Стрелка будет, разборка... А тебе что до этого?

– Понимаешь, у меня есть друг. Он занимается бизнесом, и с него за это требуют деньги, – в легком смятении, но довольно четко проговорил Алексей.

– Кто?

– Люберецкие. Хотят, чтобы он им платил.

– А он платить не хочет?

– Нет, конечно...

– И надо с люберами поговорить, чтобы они отвязались?

– Да, что-то в этом роде.

– А бизнес законный?

– Разумеется.

– Ты же в ЦК работаешь. У тебя связи. Ментам скажи, они их отработают... Или бизнес левый?

– Не совсем левый... Понимаешь, он покупает сырье по государственной цене, продает его кооператорам, но там не все чисто; если ОБХСС займется, то могут возникнуть проблемы...

Усыгин попытался улыбнуться, но выдал страдальческую гримасу.

Не любил Семен таких людей – хитромудрых, скользких, заковыристых. И его послал бы далеко-далеко. Но не мог он ударить в грязь лицом перед Наташей. Если он откажется помочь Усыгину, она сочтет его трусом.

– Я тебя понял. Только любера – ребята серьезные. У них сотни бойцов, а у нас и тридцати не наберется.

– Так на него же не сотни наезжают. Там их человек десять всего.

– Для начала десять, а потом целая толпа навалится. Знаю я, как это бывает... Где у него кооператив?

– В районе Тушина.

– А что любера там делают? Этот район вообще от них далеко...

– Вот я и говорю, что не все так сложно. Только не кооператив у него, а хозрасчетный центр научно-технического творчества молодежи.

– Что это за беда такая?

– Это не беда, это счастье, – натянуто улыбнулся Усыгин. – Золотое дно. Если, конечно, голова работает... Кстати, вы тоже можете организовать такой же центр. Льготы большие, а налогов никаких. Почти никаких. Три процента отчисляются в общесоюзный фонд молодежного творчества, двадцать семь – в местный фонд. Все! Больше никаких налогов! И неважно, какой у тебя доход... У вас какой доход?

– Не жалуемся.

– Да нет, наверняка жалуетесь. Одна куртка сто пятьде-

сят рублей стоит. А сколько вы их в день продаете?.. Думаю, процентов девяносто государству отдаете?

Семен развел руками. Увы, но государство дерет с кооператоров три шкуры. До пятисот рублей дохода – тринадцать процентов налога, до семисот – тридцать, до одной тысячи – семьдесят, до полутора – целых девяносто. Ну, разве ж это не грабеж? Джема уже подумывает о том, как двойную бухгалтерию организовать, специалиста под это дело ищет. Но ведь это криминал, а ОБХСС не дремлет. И налоговая тоже.

– А тут всего тридцать процентов. И доступ к государственным ценам. За импортный товар. А еще прямиком на зарубежные рынки можно выйти. Правда, это для избранных, даже я пока туда не могу пробиться. Пока. Но перспективы есть. И у тебя будут... В общем, я помог тебе, ты можешь мне. А за это я еще раз помогу тебе. Ну что, договорились?

– Возможно, – кивнул Семен. – Надо с ребятами поговорить. Думаю, решим вопрос.

– Завтра позвонишь мне. Я скажу, когда и куда подъехать.

– Мы очень на тебя надеемся, – впервые за все время заговорила Наташа. И наградила Семена благодарным взглядом.

Она всего лишь живет с Усыгиным и вряд ли вникает в его дела. Но все-таки, помогая ему, он делает услугу и ей. И еще она должна понять, что Семен гораздо лучше Усыгина. Он сильнее, симпатичней, и квартира у него в Москве будет, и машина. В общем, Наташа должна уйти от Усыгина к нему.

Глава 6

Кит сидел на американский манер – задница в кресле, ноги на столе. Телевизор цветной в углу тренерской, видеомагнитофон крутится, на экране Том за Джерри гоняется. На диване Джема смеется, наблюдая за этим действием.

– Ну, наконец-то! – обрадовался он своим пацанам. – Где вы там пропадали?

– Да две пары штанов осталось, – сказал Пуп. – Думали, заберут – а нет, как отрезало. До самого закрытия ждали...

– Да, Валек говорил.

Машина в бригаде одна, а пацанов на рынке много. Кому не досталось места, тот поехал домой на электричке. И Валек в их числе. Он-то все и рассказал.

– Может, вы ответку ждали? – спросил Кит. – Кто там хоть на вас наехал?

– А черт его знает! – махнул рукой Харитон. – Семен спрашивать не стал, сразу в дыню закачал! А чего церемониться?

– Возможно, это люберецкие были. Или долгопрудненские.

– Нет, эти бы сразу объявились. Или через час-другой, – покачал головой Семен. – Наверняка шушера какая-то, бабла на бутылку срубить.

– Может, и шушера. А ехали чего так долго?

Кит – старший во всех делах, ему все знать нужно. А Се-

мен обязан перед ним во всем отчитываться. И ничуть не сомневался в том, что обязан.

– Обратно ехали, машина сломалась. Карбюратор заклинило, пока прочистили...

Машина у них не фонтан, старенький «ВАЗ-2101» семьдесят первого года выпуска. Вроде бы ничего бегаёт, но время от времени ломается.

– Тачку нам нужно новую брать, – заключил Семен. – Хорошо бы «восьмерку» новенькую. И круто, и ломаться не будет.

– Прикалываешься? Новенькая «восьмерка» сорок штук стоит.

– Если по госцене, то в четыре раза дешевле.

– Где ты у нас госцену видел? Вон, видак за две штуки взял. А в «Березке» за пятьсот можно было взять... Да, кстати, мы тут с Джемой видеосалон решили открыть. А что, место у нас еще пока есть, один отсек под видеозал оборудуем. Там человек пятьдесят посадить можно. Рубль вход...

– И два за выход, – засмеялся Кузов, плюхнувшись на диван рядом с Джемой.

– Лучше три! – хмыкнул Харитон.

– Даже если выход бесплатный, все равно реальный вариант, – показав ему кулак, сказал Кит. – Можно еще видеков набрать и телевизоров. И в поселке салоны можно открывать, и в Москве...

– Да в Москве их уже как грязи, – покачал головой Семен.

– Есть такое, – согласился Кит. – Да и техника дорогая.

– Технику можно по госцене взять.

Семен подошел к холодильнику, достал оттуда бутылку «Боржоми», зубами откупорил и жадно сделал несколько глотков. Жарко, пить охота. А вода холодная, в кайф.

– И тачку по госцене, и технику... О чем ты там с Наташкиным хмырем болтал?

– Он, конечно, хмырь, но через него мы этот подвал выбили, – сказал Семен.

– Все равно хмырь, – ухмыльнулся Пуп.

Даже он не любил кавалера Наташки, чего уж тогда о Семене говорить. Но все-таки Усыгину надо было помочь.

– Хмырь, не хмырь, а через него мы от налогов можем уйти.

Семен рассказал все, что узнал о хозрасчетных центрах научно-технического творчества.

– Реальный вариант. Тридцать процентов налога, льготные цены...

– Это, конечно, интересно, – с сомнением посмотрела на Семена Джема.

Она заметно изменилась за последний год. Женственной не стала, но и мужиковатость уже не резала глаз. Носила только короткие прически, юбок и платьев не признавала, но хорохорилась она меньше прежнего, в драку не лезла; повзрослела, остепенилась. Да и как могло быть иначе, если все производство на ней.

– Но с чего этот комсомолец так раздобрился?

– Баш на баш, – спокойно ответил Семен.

– И в чем заключается наш баш? – спросил Кит.

– Я не знаю, что там у него за друг; может, он сам там этим хозрасчетным центром занимается... Короче, на этот центр наехали люберецкие. И мы должны с ними поговорить, чтобы они от комсомольцев отвязались...

– У этого хмыря проблемы с люберами, а мы должны их решать? – возмутился Кит. – Ничего себе заход!

– Мое дело предложить, ваше дело отказаться, – пожал плечами Семен.

– А как же Наташа? – язвительно усмехнулась Джема. – Как же ты ей потом в глаза смотреть будешь. Она же на тебя рассчитывает, да?

– Это мое личное дело, – сурово глянул на девушку Семен. – И я его в наши дела не впутываю. Как братва решит, так и будет...

– Нет, с люберами нам проблемы не нужны. Одно дело – свой бизнес защищать, и совсем другое – за чужой подписываться.

– Я тебя понял, Кит.

Семен и сам понимал, что связываться с люберецкой братвой очень опасно, поэтому настаивать не стал. Но Усыгину все-таки позвонил.

Центр научно-технического творчества размещался в молодежном клубе. Микрорайон новый, и здание клуба построили совсем недавно. Здание в современном стиле, с залом для дискотеки, кружки здесь всякие, библиотека. Но в хозрасчетный центр был свой, отдельный вход, возле него и ждал Семена худенький с зализанными волосами паренек. Очки в тонкой металлической оправе, белая рубашка с галстуком, на груди комсомольский значок. Брючки наглажены, штилеты начищены, сам сияет, как новенький юбилейный рубль.

Правда, радуется он зря. Семен приехал сюда только для того, чтобы посмотреть, как устроен этот загадочный центр и стоит ли он того, чтобы люберецкие рвали за него жилы.

– Олег! – бодро подал руку комсомолец.

Семен какое-то время глядел на нее, как будто высматривал грязь под ногтями, только затем нехотя пожал ее.

– Сэм.

– Алекс звонил, сказал, что ты можешь помочь.

– Алекс? – хмыкнул Семен. – Это Усыгин который? Он же против этих буржуазных имен.

– Кто, Алекс? Да он просто любит морочить голову. Буржуазная мораль, происки капитализма, светлое социалистическое будущее, да? – засмеялся Олег.

– Что-то вроде того.

– Это он пыль так в глаза пускает. А на самом деле он свой парень.

– Да я это уже понял... Что тут у вас за бизнес?

– Да какой там бизнес! – махнул рукой Олег. – Ты сам посмотри.

По широкому светлому коридору они подошли к двери, за которой открылось помещение, где за длинным столом сидели молодые люди. Амперметры, осциллографы, прочая измерительная техника, о назначении которой Семен мог только догадываться. Транзисторы, резисторы, плата. Канифольный дым коромыслом.

– Обычное творчество молодежи, – сказал он. – Транзисторные приемники собираем, которым в базарный день рубль цена.

– И что, из-за этого люберецкие наехали?

– Нет, конечно.

Олег открыл следующую дверь, и Семен увидел комнату, заваленную тканью в тюках: кожа здесь в рулонах, резина в листах. И еще здесь был с десяток пятидесятилитровых бидонов, из которых в магазинах разливают молоко и сметану.

– Кстати, если джинсы́ нужна, обращайтесь. Качество хорошее, только без выварки.

– Ну, с вываркой у нас своя технология.

– А материал глянь, может, понравится?

– У нас Джема этим занимается. Приедет – посмотрит. А

в бидонах что?

– Спирт, – с покаянным видом вздохнул Олег.

– А говоришь, что бизнес так себе...

– В общем-то, дела идут, с этим не поспоришь. Но ты пойми, отдавать пятьсот рублей в месяц нерентабельно. Мне легче от спирта отказаться, чем такой налог платить. Если все по закону будет, мы просто милицию вызовем, и все вопросы решатся...

– Может, и решатся, а может, и нет. Всех люберов не закроешь. Обязательно найдется такой, кто башку в подъезде проломит. Поверь, если на крючок попался, слезть с него уже трудно.

– Да, тебе легко говорить... У вас и спорт, и кооператив. Одно защищает другое, а это другое развивает первое... А у нас, увы, таких спортсменов нет, чтобы челюсти ломать.

– Плохо... Больше ничего нет? Только это?

– А что, мало? Мы на этих перепродажах три тысячи в месяц имеем.

– Негусто.

– Да, и еще туда отдай, сюда... Только тысяча себе остается. По пятьсот на брата, на меня и на Алекса, – жалобно сказал Олег.

– Не хнычь, а то расплачусь, – хмыкнул Семен.

– Да нет, я не хнычу. Просто обидно... – хлопнул носом парень.

Он открыл дверь своего кабинета, жестом пригласил Се-

мена зайти.

Кабинет у него не очень большой, зато мебель добротная. И еще какой-то непривычного вида телевизор, стоящий на видеомagneтoфoнe. Олег заметил, куда смотрит Семен.

– Знаешь, что это такое?

– Видеодвойка?

– Ну да! Компьютер!.. Это монитор, это системный блок. По благу достал! Вещь! Хочешь, пока люберецкие не подъедут, в игры поиграть. Знаешь как интересно!..

Олег стал рассказывать про какого-то Аладдина, но Семен его уже не слушал.

– А что, люберецкие должны подъехать? – удивленно спросил он.

– Да, я сказал, что вы должны подъехать. Правда, почему-то ты один.

– Я и должен быть один. И я не говорил, что стрелку с люберецкими забивать надо. Это уже наши проблемы, а не ваши...

– Да? Значит, Алекс не так все понял. Он мне позвонил, сказал, что этим сказать надо. Я позвонил...

– Лучше бы ты в колокол позвонил. А потом с колокольной вниз головой. Ну, ничего, у тебя еще все впереди...

Стрелка с люберецкими в планы Семена никак не входила. И встречаться с ними он не собирался. Поэтому мог уйти с легкой совестью.

Но уйти не удалось. Он выходил из центра, когда к нему

подъехал «четыреста двенадцатый» «Москвич», который показался ему знакомым. Из машины, расправляя плечи, вышли Арбат, Каток, Тоха и еще один незнакомый Семену бугай. Увидев их, Олег поспешил исчезнуть за дверь. Семену последовать его примеру никак не мог: гордость не позволяла.

– Сэм? – узнал его Каток. – Ты здесь какими ветрами?

– А ты что, не понял? Комсомолом его надуло! – криво усмехнулся Арбат. – За комсомол подписываешься?

– Не было такого решения, – покачал головой Семен. – Я – за, братва – против. Не хотят с вами связываться.

– Что, жим-жим сыграло?

– Нет, просто дело того не стоит, – показывая на дверь, кивнул через плечо Семен. – Было бы из-за чего бодаться. Да и опасно – ну, в смысле на ментов можно нарваться... Но это братва так думает.

– А ты как думаешь?

– И я так думаю. Только у меня здесь личный интерес.

– Что за интерес?

– Я же говорю – личное, значит, личное...

– Потому и стрелку нам забил?

– Выходит, что так.

– Чудной ты пацан, Сэм, – усмехнулся Арбат. – Ты что, смерти ищешь?

– Не ищу, – с невозмутимым видом пожал плечами Семен. – Просто интерес у меня здесь.

– А если мы тебе кости сейчас переломаем?

– Все может быть.

Семен внутренне напрягся, но боевую стойку не принял. Этим он мог выказать свой страх, а это подействует на любителей, как красная тряпка на быка.

– Я слышал, ты в субботу с долгопрудненскими замутился? – съехал с темы Арбат.

– На Рижском? Так я не знаю, кто там был. Я не мент, чтобы паспорт спрашивать... Значит, долгопрудненские были?

– Странно, что ты не знаешь. Мы знаем, а ты нет.

– Долгопрудненские – это серьезно. Долгопрудненские бы ответили. А эти засохли, как навоз на солнце...

– Еще не вечер, Сэм. Они могут ответку дать.

– Не страшно.

– Да я вижу, что не страшно. Ты вообще какой-то непробиваемый... Давай вылазь из танка. Поговорим как люди.

– Ну, если как люди...

Арбат мягко шагнул к Семену, доверительно коснулся рукой его локтя, встал к нему боком.

– Что ты там про опасность говорил? – спросил он и кивком показал на клуб.

– За этой темой Центральный комитет комсомола стоит. Хотя и коммунисты могут вмешаться. Не то это поле, где можно пахать, мины здесь. Противопехотные. Я понимаю, у вас пехоты много, но, если чекисты в это дело запрягутся, хорошего будет мало... Как вы вообще на этих комсомоль-

цев вышли?

– Да просто все. Они полтонны спирта нашим толкнули, а мы просекли. Не станут они к ментам обращаться.

– А я слышал другое. Им легче спирт свернуть, чем с вами делиться. Жадные они. Я бы за них вообще впрягаться не стал. Но тут личное...

– Баба?

– Я тебе этого не говорил.

– Значит, баба... Если честно, меня самого от этой темы мутит. Спирта у них не очень много, достают где-то по мелочи, большой бизнес на этом не сделаешь. Скользкие они какие-то. И жадные, в этом ты прав... Знаешь, мы бы смогли договориться.

– Давай попробуем.

– Мы оставляем этих ленинцев в покое, а ты нам пацанов своих дашь. Я знаю, у вас там неслабая команда собралась. Спортзал свой, да?

– Все ты знаешь.

– А чего не знать? Мы же, считай, соседи. Нам бригадами дружить надо. Или нет?

– Дело нужное.

– Вот и я о том же... Телефон у вас есть?

– Есть.

– Если вдруг что, я тебе звоню и ты едешь к нам со своими пацанами. Договорились?

– Со мной – да. И Кит, думаю, согласится...

Семен был в этом уверен. Кит только говорил, что люберецких терпеть не может, на самом же деле он их просто боялся. И еще больше уважал. Для него это будет честь – помочь им в драке. И о себе заявит, и пацанам давно уже пора показать себя в деле, а то молотят друг друга почему зря.

– Кто такой Кит? – спросил Арбат.

– Как это кто? – удивленно вскинул брови Семен. – Кит у нас старший.

– Да? Не слышал. Про тебя слышал, а про него нет... Ты можешь решить этот вопрос без него?

– Да, – без тени сомнения ответил Семен.

– Тогда все на мази. Ты с нами, а комсомол с тобой... Все, бывай!

Арбат взял номер телефона и направился к своему «Москвичу». Машина уехала, а Семен еще долго смотрел ей вслед. Не думал он, что все будет так просто.

– Ну что? – дрожащим голосом спросил Олег.

Семен даже не заметил, как он подошел к нему со спины. А зря. Нельзя позволять подкрадываться к себе.

– Больше ты им ничего не должен.

– Уфф!

– Теперь ты мне должен.

– Эй, ты чего? Алекс ничего не говорил!

– А как насчет хозрасчетного центра? Мы тоже такой хотим.

– С этим делом поможем.

– А со спиртом как? Я бы тоже хотел брать по госцене.

Что там у тебя, пшеничный ректификат?

– Он самый. Правда, объемы у нас небольшие...

– А меня твои объемы не интересуют. Меня выход на завод интересует.

– Да, есть такой выход. Но это через Алекса...

– Я все понял, – кивнул Семен и, не прощаясь, повернулся к Олегу спиной.

С водкой в стране большой дефицит, так почему бы не помочь страждущему населению. Кто скажет, что это не благородное дело?..

Глава 7

Алекс нагрязнул внезапно. Правда, беспрепятственно в подвал ему пройти не удалось. Бойцы его на входе остановили, провели в спортзал, где Семен молотил грушу. Харитон с ним, Кузов, еще человек пять. Кит где-то пропал, но вот-вот должен был появиться.

– Хорошо! Очень хорошо! – начальственным-благодушным тоном похвалил Усыгин. – Зал отремонтирован, занятия идут. Мне нравится!

Говорил он бойко, звонко и гладко, но его никто не слушал. Все еще только подтягивались к нему. И Семен, успокоив болтающуюся грушу, подошел.

– Ну, здравствуй, здравствуй, герой спорта! – весело поприветствовал его Усыгин. Но руки не подал. Видимо, его смутило, что Семен мокрый от пота и ладонь у него липкая.

– Что вы хотели?

Семен здороваться в ответ не стал, но при этом обратился к нему на «вы». И по имени не назвал, хотя мог бы.

– Посмотреть, как вы тут живете. Посмотреть, чем вы тут дышите.

– Извините, стенгазету забыли вывесить, – усмехнулся Семен.

– Вы сами как стенгазета! – напоказ засмеялся Усыгин. – Молодые, сильные, цвет и гордость нации... Ну, пошли, по-

кажешь, что здесь у вас и как, – кивком показал он в глубь коридора – светлого, выбеленного и мощенного доской.

Семен показал ему второй зал, где на специальных подставках над скамейками возвышались штанги, лежали гири, гантели. Шведская стенка здесь, сваренные из металлических труб тренажеры, гимнастический «козел», чтобы качать пресс.

Посмотрел Усыгин и цеха, где шились джинсы и куртки.

– Хорошо. Очень хорошо.

Были в подвале и свободные площади, целых три отсека, уже оштукатуренных и залитых бетоном. Осталось только побелить и линолеум постелить, и все, цеха готовы.

– Я смотрю, вы работаете на перспективу! – обрадовался Усыгин. – Что собираетесь здесь разместить?

– Да нет, не на перспективу, – пожал плечами Семен. – Просто цемента много было, песка, пацаны работать хотели, потому и отделали все... А разместить, конечно, можно. Винно-водочный цех, например.

– Ни в коем случае! – возмутился Усыгин.

– Да шучу я.

– Не надо шутить. Надо делать. Только не здесь... Я говорил с Олегом, он мне сказал, что ты спрашивал про спирт.

– Нам бы выход на спиртзавод...

– Не получится. Это очень сложно. Легче всего получать спирт через меня. Это госцена плюс небольшой процент за посредничество. Для своих – действительно небольшой про-

цент. И кожу могу хорошую достать. Почему бы вам кроссовки не начать шить? И кожаные куртки можно освоить... Брат Наташи приносил мне ваши джинсы; честно скажу, они мне очень нравятся. Хороший у вас подход к качеству. А почему? Потому что молодежный дух! Тяга к совершенству!

– К светлому будущему, – насмешливо подсказал Семен.

– А почему бы и нет? Каждый человек сам кузнец своего будущего...

Алекс не договорил: к ним подошел Кит, а вместе с ним и Джема.

– Это кто такой? – небрежно кивнув на Усыгина, спросил он у Семена.

– Наш радетель и благодетель. Усыгин Алексей... По бабушке не знаю.

– Алексей Григорьевич, – деловито подсказал Алекс. – Инструктор ЦК ВЛКСМ.

– Кит... Никита... Никита Панюков, – расплылся в улыбке Кит.

– Наш главный начальник, – добавил Семен.

– Женя... Женя Баранова. Завпроизводством.

– А чего мы здесь? Прошу в мой кабинет!

Семен с удивлением смотрел на Кита. Не думал он, что этот жук мог так распускать хвост перед начальством. Но в принципе это плюс, а не минус.

В кабинете Кит предложил Усыгину место за своим столом, а Джема достала из холодильника минералку, наполни-

ла чистый стакан, поставила перед ним.

– Да, я смотрю, вы здесь здорово потрудились. И спортзал, и цеха, и кабинет – все в полном соответствии...

Казалось, что Усыгин пояснит, что все соответствует требованиям партии и правительства, – но нет, он не стал разводить демагогию.

– Конечно, мы же дали слово, что здесь у нас будет настоящий спортзал.

– Кстати говоря, насчет кооператива договора не было. Но это так, к слову, – улыбнулся Усыгин.

– Можно договориться. Вы возьмете над нами шефство, поможете оформить нам хозрасчетный центр... Мы в долгу не останемся.

– Я как раз над этим думаю.

– Да, я понимаю, мы должны были решить вашу проблему, – замялся Кит. – Но там любера, это слишком серьезно...

– А разве вы не решили? – вытянулся в лице Алекс.

– Как не решили? Решили. Я с люберами сегодня говорил, все путем, – как бы нехотя сказал Семен.

– Ты?! Говорил?! – оторопело посмотрел на него Кит.

– Да. Ты сказал, чтобы я завтра туда поехал, а я сегодня съездил, – Семен не стал опускать бригадира в глазах комсомольца. А свой промах Кит осознает и без того. – Там все в порядке. Арбат на центр наехал. Ну, Каток с ним и Тоха. Ничего, нормально так поговорили. Они нам центр отдают, а мы им бригаду свою в аренду. Там у них непонятки с дол-

гопрудненскими, они своих собирают и наших на подмогу просят. А нам пацанов нужно размять...

– Ну, если любера просят, чего не помочь! – расплылся в улыбке Кит. – Я и сам размяться хочу...

– Я тогда на Рижском с долгопрудненскими сцепился. Там, видать, левые какие-то. Но все равно, нам лучше с люберами против долгопрудненских, чем наоборот.

– Понятное дело, Люберцы рядом совсем. Да и с Арбатом дела иметь можно, он реально в авторитете, и бригада у него конкретная...

Усыгин хлопал глазами, глядя то на Семена, то на Кита. Для него эти разговоры о реальных делах, что для эскимоса китайская грамота. Трудно ему понять, как так можно просто поехать на разборку с крутой братвой, да еще радоваться этому. И восхищение у него во взгляде, и страх. Видно, что в отличие от своих больших боссов он уже понял, какую силу представляют собой бандитствующие спортсмены. Не зря же он пытается заманить на свою сторону волынскую бригаду. И, судя по его реакции на разговор, сейчас он еще больше убедился в том, что сделал правильный выбор.

– Я так понял, вы знаете этих люберецких? – в смятенном восторге спросил Усыгин.

– Знаем, – усмехнулся Кит. – Это наш русский обычай. Сначала морды друг другу бьем, а потом друзья не разлей вода.

– Вы с ними дрались?

– Было дело.

– И как? Ну, кто кого? – с детским каким-то азартом спросил Алекс.

– Наша взяла. Наша всегда берет, – снисходительно усмехнулся Семен.

– С вами приятно иметь дело. Вы нормальные ребята. Не то что эти ужасные люберецкие. У вас и дело свое, и сила. Можете за себя постоять. Мне это очень нравится.

– Можем за себя постоять, – перебил Усыгина Семен. – И наехать можем. На твоего Олега, например. Но нам это ни к чему. Вопрос мы решили, и если вдруг что, пусть Олег звонит нам. Если что, подъедем, устраним проблему. И пятисот рублей в месяц нам не надо. Но с хозрасчетным центром помогите.

– Честно скажу, вопрос это непростой, но я обязательно его решу... И со спиртом тоже.

– С каким спиртом? – не понял Кит.

– С пшеничным ректификатом. Мешаешь спирт с водой, разливаешь по бутылкам, наклеиваешь этикетки – вот тебе и водка. Назовем ее «Комсомольской», – усмехнулся Семен. – С водкой в стране проблемы, а кто поможет людям, как не комсомол... Да, Алекс?

– Ну, «Комсомольской» называть ее не стоит, – мотнул головой Усыгин. – Но этикетки можно. Это я организую. От «Столичной» этикетки, от «Московской». А можно еще армянский коньяк организовать. Спирт на дубовых опилках

настоять, вот тебе и коньяк...

– Золотое дно.

– Да... Только предприятие это не совсем легальное, – понизил голос Алекс.

– Лучше скажи, совсем не легальное.

– Да, нелегальное. Но очень прибыльное. И что важнее всего, совершенно без налогов. Ну, разве что только мне за посреднические услуги. Я организую вам спирт, помогу со сбытом.

– А нам это надо? – кисло спросил Кит.

– Надо, – отрезал Семен. – Цех у нас есть.

– Где?

– А будка в овраге?

– Можно и там, – сдался Кит.

– А с хозрасчетным центром что? К кому обращаться, чтобы все это организовать? – спросила Джема.

Похоже, идея со спиртом ей не очень нравилась, но и возражать она не стала.

– Завтра к вам подъедет человек, он все объяснит. И вот что... Тут у меня еще люди есть, ну, такие же хозрасчетные центры. У них все спокойно, но все может быть.

– И много таких?

– С десяток наберется...

– Много. Но мы согласны. Только нам выход на госцены нужен. Станки там обувные, машинки для шитья курток. И еще нам нужны машины. Хорошо бы пару «восьмерок» по

госцене...

Усыгин думал недолго.

– Нет, с «восьмерками» не получится, острый дефицит. А «Волгу» могу организовать. За пятнадцать тысяч.

И Кит недолго чесал репу.

– «Волга» тоже хорошо.

– А оборудование и сырье я вам организую.

– За посреднический процент? – спросил Семен.

– Так принято.

– Сейчас на кооператоров принято наезжать. Но не принято их задаром отбивать. А мы будем это делать. Поэтому давай без посредников. С оборудования можешь взять процент, а на кожу нам прямой выход дай. И на джинсу тоже.

– Договорились, – через силу согласился Усыгин.

– Тогда будем держать связь.

– Да, и еще, – глядя на Семена, сказал Алекс. – Я так понял, тебе уже восемнадцать?

– Да.

– В армию заберут.

– Запросто.

– А тебе это нужно?

– А что, есть варианты?

– Есть. Можешь в институт поступить. Ты же вроде на тренера оформляешься. Будешь тренером. А заодно станешь в институте физической культуры учиться. Есть у меня там связи, могу помочь...

– Ты, Алексей Григорьевич, прямо рог изобилия, – ухмыльнулся Семен.

– Тогда я выясню этот вопрос и позволю, скажу, что да как.

На этом разговор закончился. Кит обменялся с Алексом телефонами и пошел провожать его до машины.

– Не любишь ты, Сэм, этого типа, – заметила Джема.

– А за что его любить? Мы для него «быки» бодучие, с легким коммерческим уклоном. А так мы от братвы отбивать его должны. Да и коньяк с нами можно делать. Потому что не каждый за это возьмется. А дело прибыльное.

– Значит, есть выгода от него. И с институтом он помочь может. Очень полезный человек.

– Баш на баш. Не было бы у нас баша, плевать бы он хотел в нашу сторону.

– Вместе со своей Наташкой, – пренебрежительно усмехнулась Джема.

– При чем здесь Наташка?

– Да так, на язык подвернулось...

С грохотом распахнулась дверь, и в кабинет ввалился Кит.

– Ну, и как все это называется? – вроде бы недовольно, но с улыбкой спросил он.

– А так и называется, что Сэм за нас все сделал, – ответила Джема. – Пока мы тут сопли жевали, он с люберами разобрался.

– А кто его просил?

– Никто. Просто посмотреть хотел, что там за центр, – пожал плечами Семен. – Сначала я подъехал, а за мной Арбат. Поговорили, разобрались.

– Разобрались, – кивнула Джема. – Потому что они Сэма уважают, потому и разобрались. И нас уважать будут. Если на разборках не облажаемся.

– А нам нужны чужие разборки?

– Нужны, – пристально посмотрел на Кита Сэм. – И ты сам это знаешь. Сначала мы люберам поможем, потом они нам помогут, если вдруг что...

– Да это не вопрос. Просто как-то все неожиданно, – поскреб щеку Кит. – И с этим спиртом...

– Дело выгодное. У бабок сейчас водка по двадцать рябчиков уходит. И уходит влет.

– Все верно... И с этим хозрасчетным центром нормально... А чего от института не отказался?

– Зачем? – удивился Сэм. – Там пацаны со всей Москвы учатся. Спортсмены. Кто-то уже в движении, кто-то еще собирается. И люберецкие там будут, и солнцевские. Я их буду знать, они – меня; мало ли, вдруг с кем-то непонятка выйдет, лучше на словах все решить, чем на ножах...

– Ну, связи нам не помешают, – согласился Кит. – Тогда и мне надо в этот институт. Ты с Алексом насчет меня поговори, хорошо?

– Я?! Ты у нас тут ма́зый, ты здесь все решаешь, он тебя больше слушает.

– Да это понятно. Только у тебя с ним лихо получается. Боится он тебя. Меня как-то не очень, а тебя реально боится...

– Хорошо, поговорю, – кивнул Семен.

Слабину дал Кит. С люберами связываться побоялся, теперь вот Усыгин его напрягает, в чем он сам и признается. А это значило, что теперь братва больше Семена будет уважать, чем его. Но это вовсе не значит, что Семен воспользуется этим, чтобы занять место Кита. Может, он и хочет быть вожаком, но задвигать ради этого Кита не станет. Потому что он ему реальный друг. А друзей не кидают...

Глава 8

Шашлык удался на славу. Ароматный, сочный и совсем не подгорелый. И, к счастью, Борис Федорович это заметил.

– Красота. Хоть фотографируй и в журнал отправляй, чтобы у людей слюнки текли, – весело улыбнулся он.

Вроде бы он говорил о шашлыке, о том, что такой красоте место в кулинарном разделе какого-нибудь глянцевого журнала. Но при этом почему-то смотрел на Наташу. Может, он имел в виду ее красоту? Может, она могла бы попасть на страницы того же «Огонька», чтобы у мужиков при взгляде на нее текли слюнки?

Но ведь Наташа не так уж и хороша. Ну, красивая, ну фигурка отменная, но в институте она учится плохо, культурой не интересуется. И еще перед мужиками любит красоваться, потому и платья короткие носит, мини-юбки. Нельзя, говорит, столь роскошные ноги от людей скрывать. Не дура ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.